

МИРИАМ ГЕОРГ

ОГНИ на ЭЛЬБЕ

18+

Семейные истории. Мириам Георг

Мириам Георг
Огни на Эльбе

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(4Гем)-44

Георг М.

Огни на Эльбе / М. Георг — «Издательство АСТ»,
2021 — (Семейные истории. Мириам Георг)

ISBN 978-5-17-150956-9

1886 год. Дело крупных судовладельцев Карстен идет в гору, но несмотря на коммерческие успехи, в семье не все ладно. Есть свои страсти и тайны, которые могут помешать семейному бизнесу. Однажды во время крещения нового корабля Лили Карстен знакомится с Йоханом Болтоном, выходцем из низов. Болтон показывает ей мир, которого она не знала, где идет ежедневная борьба за выживание. Лили понимает, что труд этих людей обеспечивает благополучие ее семьи. Вскоре Лили сама становится пешкой в чужой игре ради интересов семейного дела. К тому же у Йохана есть секрет, который Лили никогда не должна узнать. Смогут ли они быть вместе или Лили поставит интересы семьи выше любви?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-17-150956-9

© Георг М., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	23
Глава 3	38
Глава 4	47
Глава 5	51
Глава 6	67
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Мириам Георг Огни на Эльбе

Моей матери

*Всегда есть желания, которые влекут за собой, но и есть и
правила приличия, которые сдерживают.*

Гюстав Флобер, «Госпожа Бовари»

Miriam Georg
ELBLEUCHTEN, VOL. 1

© 2021 by Rowohlt Verlag GmbH, Hamburg

© Аббасова Ю., перевод, 2022

© Илющенко В., перевод, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Часть 1

Гамбург, 1886 год

Пролог

Глаза женщины лихорадочно блеснули. В рваном, испачканном сажей платье, обливаясь потом, она прокладывала себе дорогу сквозь толпу. Одной рукой она тащила за собой хнычущую девочку, другой прижимала к груди младенца.

Первым её увидел Альфред Карстен. В поисках дочери он оглядывал собравшихся, надеясь различить рыжие волосы Лили среди дамских шляпок и мужских цилиндров. Поймав на себе взгляд незнакомки, он вздрогнул. По тому, как неотрывно глядели на него эти пылающие глаза, Альфред понял, против кого был направлен гнев их обладательницы. Он замешкался на мгновение, гадая, что ей от него нужно. Было ясно, что она не принадлежала к числу приглашенных. Она явилась сюда прямо из трущоб, неся на себе печать нищеты и страданий, и не он один их почувствовал – гости провожали незнакомку встревоженными взглядами, а те из них, кто вовремя успевал заметить ее приближение, отпатывались. Окончательно сделав вывод, что женщина оказалась здесь, среди избранного общества, случайно, он уже собирался распорядиться, чтобы ее вывели без лишнего шума. Но тут незнакомка толкнула оказавшуюся у нее на пути даму в фиолетовом платье с турнюром. Та ахнула и едва не уронила свой зонтик от солнца, и Альфред понял, что действовать нужно более решительно. Незнакомка осмелилась задеть одну из самых уважаемых дам в Гамбурге. Этого было достаточно, чтобы отправить кого угодно в исправительный дом без суда и следствия. То, что незваная гостья подвергла себя такой опасности, явно не отдавая себе в этом отчета, показало ему, что с ней что-то неладно. Она казалась больной, чуть ли не одержимой. И по-прежнему не сводила с него глаз.

По телу Альфреда пробежала легкая дрожь. Инстинктивно он шагнул вперед, загораживая собой супругу, Зильту, ответившую ему растерянным взглядом, а затем кивнул Францу. Его сыну понадобилось несколько секунд, чтобы оценить положение. Не теряя своей обычной невозмутимости, он отдал короткий приказ портовым рабочим, которых на время праздника выстроили вдоль помоста для охраны порядка, где они и стояли теперь, сложив руки за спиной и глядя прямо перед собой. По первому знаку хозяина трое из них вышли из строя и двинулись навстречу женщине. Однако прежде, чем им удалось схватить незваную гостью, она выкрикнула:

– Карстен! Мой муж сошел с твоего корабля калекой. Семеро детей остались без отца! Мы все помрем в нищете! Он десять лет проработал на твою судоходную компанию, а теперь его гонят прочь, как шелудивого пса!

Рабочий обхватил женщину поперек талии и попытался оттащить ее, пока другие оттесняли толпу. Незнакомка отчаянно сопротивлялась: выпустив руку дочери и едва не уронив младенца, она царапалась и громко вопила, пытаясь укусить того, кто ее удерживал. Мужчине, однако, не составило труда взять над ней верх: он грубо схватил женщину за волосы и вывернул ей свободную руку, пресекая дальнейшие попытки вырваться. Оказавшись в безвыходном положении, незнакомка внезапно сменила тон – ее крик превратился в отчаянную мольбу.

– О боже, боже! Как нам теперь жить? – причитала она. – Мужу нужно где-то работать! Мои дети умрут с голоду!

Словно в подтверждение ее слов, обе крошки громко заплакали.

– Уберите же её отсюда! – рявкнул Франц, одновременно улыбаясь гостям, чтобы их успокоить, а затем кивнул ещё одному рабочему, который уже спешил на помощь остальным.

Недолго думая, последний сгреб девочку в охапку и, перекинув ее через плечо, понес прочь. Следом увели женщину, крепко держа ее за руки с двух сторон. Вскоре отчаянные крики незнакомки и плач детей растворились в возбужденном шуме толпы.

Вынув платок из нагрудного кармана, Альфред украдкой вытер лоб. Все могло закончиться иначе. Хорошо, что в такие моменты рядом всегда был Франц, который не проявлял излишней щепетильности, когда нужно было прибегнуть к грубой силе. Альфред улыбнулся обступившим его гостям, показывая, что все в порядке. Многие из них казались взволнованными, однако он знал, что произошедшее не стало ни для кого потрясением. Всякий хоть однажды оказывался в подобном положении, а потому его не будут винить в случившемся. И все же ему внезапно подумалось, что женщина была не так уж неправа. Ей в самом деле грозит голодная смерть, как и ее детям. Младенец уже теперь был больше похож на мертвого, чем на живого. Если отец не сможет их прокормить, ей ничего не останется, кроме как отправить старших детей просить милостыню, хотя какая милостыня прокормит девять голодных ртов? Да, все они жили в жестоком мире, но мир этот не был его творением. Может, Альфреду следует теперь содержать всех больных и увечных? Он даже фыркнул, до того нелепой показалась ему эта мысль. Верное разорение! Напрасно было ждать от него справедливого решения. Женщине, как всем ей подобным, придется покориться судьбе.

И все же... Что-то в маленькой девочке, цеплявшейся за юбку матери, не давало ему покоя. Она странным образом напоминала ему Лили – тот же робкий, но любопытный взгляд, смешные веснушки на носу... Он встряхнул головой, словно призывая себя к порядку, а затем, подчинившись внезапному порыву, повернулся к сыну и прошептал ему на ухо:

– Прикажи, чтобы этой женщине выплатили пятьдесят марок компенсации от моего имени.

Франц почти не изменился в лице, но взгляд, которым он смерил отца, был полон недоверчивого изумления.

– Ты с ума сошел, – буркнул сын.

– Просто сделай, как я прошу, – твердо сказал Альфред, не желая обсуждать свое решение, и хотел отвернуться, когда Франц бесцеремонно схватил его за рукав:

– Если мы дадим ей что-нибудь, сюда мигом прибегут другие!

Альфред заколебался. Это был веский довод.

– Хорошо. Она получит деньги только в том случае, если пообещает никому не рассказывать, откуда они взялись. Если же объявится еще кто-то и станет ссылаться на нее, я потребую немедленного возврата. Это заставит ее держать рот на замке.

Франц не уступал:

– Отец, это совершенное безумие...

– Будь добр, сделай, как я сказал! – отрезал Альфред тоном, не допускающим возражений. Он отдавал себе отчет в том, что в обозримом будущем Франц унаследует предприятие, а вместе с ним – дело всей его жизни. Однако право принятия решений Альфред пока оставлял за собой.

Франц бросил на отца хмурый взгляд и скрепя сердце отвернулся, чтобы передать его распоряжение.

Альфред тихо вздохнул и перевел взгляд на «Титанию». Это был прекрасный корабль, которым по праву можно было гордиться – изготовленный по лучшим стандартам и вместе с тем оснащенный по последнему слову техники. Его спустили на воду еще в Ливерпуле, где находилось производство, но крещение должно было состояться здесь, в водах Гамбурга, как велит обычай.

Уже были подняты паруса, в небо взвился флаг Карстенов в сине-белую полоску, а на носу корабля красовался большой венок из цветов. Все было готово. Оставалась только одна

проблема: не хватало крестной. Без нее нельзя было начинать церемонию. Альфред бросил нервный взгляд на карманные часы. Она давно должна была прийти.

Где же Лили?

Глава 1

Рука Лили неподвижно лежала на листе бумаги. Капелька чернил соскользнула с ее пера и образовала на нем синюю слезу, которая расплывалась по краям – там, где волокна бумаги касались поверхности капли. Но Лили этого не видела. Она смотрела прямо перед собой, задумчиво наморщив лоб, отчего на переносице возникла маленькая складка, которую ее мать всегда ласково называла «морщиной мыслителя».

Воздух над Гамбургом сиял, небо представлялось бесконечным голубым океаном. Жара нависла над городом неподвижным куполом. Даже река Альстер, которую Лили, сидевшая за письменным столом, могла видеть из окна, не переливалась, как обычно, мелкой рябью, складывавшейся в причудливые узоры.

Оттенки воды в реке, запах выющихся роз, что карабкались по наружной стене, странная тишина, царящая над городом, – все это пробудило в Лили странное, почти болезненное чувство, отзывавшееся тяжестью в груди. Это чувство уже было ей знакомо. Оно охватывало ее в жаркие дни, когда повсюду была разлита летняя нега, а в полную силу входило по вечерам, когда они с матерью и Михелем сидели на террасе, читая друг другу вслух. Вот уже несколько минут она искала верное слово, чтобы описать это чувство. Слово «томление» она уже перечеркнула – оно здесь не подходило. Та же судьба постигла и «меланхолию» – это понятие было близко к тому, которое она пыталась описать, но не отражало чувство во всей его полноте, ей же хотелось найти идеальное слово. «Если в нескольких точных фразах вы способны выразить то, что чувствуете, тогда вы в самом деле умеете писать!» – всегда говорила фрау Финке, ее старая учительница. И Лили твердо усвоила это правило – только сейчас следовать ему ей никак не удавалось.

Она написала «предчувствие» и, нахмурившись, взглянула на буквы, слегка наклоненные вправо. Не совсем точно, но что-то в этом есть: в такие дни она и впрямь будто ждала чего-то – казалось, сам ветер нашептывал ей о грядущем. Но и это слово в конечном счете было отвергнуто твердым росчерком пера. Она не могла остановиться на полуправде, ей нужна была точность. Когда через несколько недель она, просматривая бумаги, наткнулась на эту запись, ее пробрала дрожь. Последующие события придали слову «предчувствие» совершенно иной смысл.

Но в ту минуту оно описывало лишь радостное предвкушение долгого, жаркого лета, которое она хотела посвятить прежде всего сочинительству. Чтению и письму. И танцам. И поцелуям. Не обязательно в таком порядке – здесь все зависело от Генри – всегда такого вежливого, настолько озабоченного соблюдением правил, будто от этого зависела вся его жизнь. Официально они могли встречаться только в присутствии взрослых, и вместо того, чтобы попытаться обойти этот запрет и слегка опередить события, что было бы вполне ожидаемо, Генри строго придерживался принятого порядка. Иногда она сердилась, что он прилагал так мало усилий, чтобы ее завоевать. Да, они уже были обещаны друг другу и даже официально помолвлены. Но это вовсе не означало, что теперь он мог прекратить всякое ухаживание – как же ей тогда чувствовать себя красивой и желанной? «Ты уже принимаешь меня как должное», – как-то упрекнула его она, а он, казалось, искренне обеспокоился этим и пообещал исправиться.

Подтверждая это похвальное намерение, он преподнес ей на следующий день конфеты и стихотворение. Уже недурно – во всяком случае, было чем похвастаться в университете. Пусть даже стихотворение Генри сочинил не сам, а переписал из сборника Брентано, чья поэзия казалась ей, впрочем, слишком приторной и беззаботной. Ей хотелось волнующих поцелуев в холле и романтических ночных свиданий, куда она сбегала бы из дому – как в тех книгах, которые ей тайком одолжила Берта и которые теперь стояли у нее на полке, надежно скрытые солидными томами Гете. Но от Генри подобного не стоило ожидать. И все же – при мысли о

том, что она увидит его во время сегодняшней церемонии, она улыбнулась. Влюблена она была, в этом не стоило сомневаться. Он хотел зайти за ней сегодня, но, будучи студентом-медиком, не смог вырваться – близились выпускные экзамены, и он был очень занят. Не страшно, она поедет с Францем. Родители уже два часа как уехали – перед церемонией они давали прием в Альстерских аркадах. Лили, находя приемы ужасно скучными, не захотела к ним присоединиться. Вспомнив о крещении корабля, она вдруг осознала, что засиделась в своей комнате. Пора было собираться.

В доме стояла духота, сильно пахло коврами и старым деревом, и Лили догадывалась, что во время церемонии, когда, вероятнее всего, будет ярко светить солнце, станет очень жарко. Поэтому она решила не прибегать к пудре, которая, как она предвидела, только расплывется на лице. Да и времени уже не было. Бросив испуганный взгляд на напольные часы в коридоре, она поспешила к комоду. Хорошо, что утром Зеда успела уложить ей волосы. Лишь несколько рыжих локонов выбилось из замысловатой прически, и их пришлось поправлять – напрасный труд, ведь стоило Лили пошевелиться, они вновь упали на лоб. Ее новое платье, накрахмаленное и благоухающее, висело в шкафу. Лили окинула его недовольным взглядом. В белом она казалась бледной и призрачной, будто терялась в ткани. Но на этом цвете настаивал отец: «Крестная должна выглядеть как можно более юной и невинной, а что подчеркнет эти качества лучше, чем белое кружевное платье?»

Она поспешно выскользнула из домашнего халата и дернула за сонетку, висевшую около кровати.

– Зеда, я опаздываю! – крикнула она в коридор, надеясь, что горничная услышала ее и уже спешит на зов, но на всякий случай в придачу позвонила в колокольчик. Лили только сейчас поняла, как сильно опаздывает. Франц будет здесь с минуты на минуту, а она не готова даже наполовину.

В одной сорочке она села перед зеркалом, зачерпнула немного румян и спешно прошлась по щекам. «Ох, слишком много зачерпнула!» Теперь она выглядела так, словно у нее жар. Она обмакнула полотенце в миску с водой и провела им по щекам. Не помогло – теперь румяна приклеились к лицу влажными полосками. Перевернув полотенце, она принялась ожесточенно оттирать краску сухим концом.

Когда Лили закончила битву с румянами, мелкие завитки волос, обрамлявшие лицо, встали дыбом, словно наэлектризованные, а щеки лихорадочно пылали.

– Хорошо, что сегодня мне хотя бы не придется выступать перед доброй сотней гостей, – сказала она своему отражению в зеркале, состроив гримаску. – Или... Неужели сегодня?

Со вздохом она отбросила полотенце. Как так вышло, у нее же было столько времени на подготовку. Все утро! Вот так всегда – стоило ей сесть за письменный стол, как мысли начинали превращаться в слова, слова в предложения, а предложения – в персонажей и истории. При этом время вело себя так, как ему заблагорассудится: оно размывалось, теряло контуры, выходило из берегов. А когда Лили поднимала взгляд на часы, думая, что прошло всего несколько минут, времени уже ни на что не оставалось.

Ее взгляд упал на новую шляпу, и девушка в задумчивости прикусила губу. Отец строго-настрого запретил ее надевать: «В любой другой день, только не на церемонию крещения корабля!» Лили знала, что он говорил всерьез. Надеть такую шляпу в самом деле было бы слишком смело. Большая, темно-зеленая, с огромным пером, покачивающимся на ветру, и широкой лентой в мелкий горошек, она сразу привлекала внимание своей экстравагантностью и была сделана по последней моде, которая не нравилась ее консервативному отцу вне зависимости от того, какие формы принимала. Но Лили любила эту шляпу. Вдобавок она давала хоть какую-то тень. Пока Лили размышляла, хватит ли у нее смелости нарушить отцовский приказ, в комнату вошла Зеда.

– Снова опаздываем? – спросила она, взяв корсет, лежавший на кровати.

– Еще как! – Лили сбросила сорочку, подняла руки и встала перед Зедой, чтобы та помогла ей одеться. Корсет, как и платье, соответствовал последним веяниям. Он был длинным, утягивал живот и подчеркивал бедра, грудь и ягодицы. Даже когда Зеда, как сейчас, просто держала в руках это хитрое приспособление, оно казалось устрашающе узким и неудобным. Лили уже надевала корсет однажды, и в тот раз ей уже через несколько минут пришлось прибегнуть к помощи Зеды, чтобы вырваться из тесной шнуровки, в которой она чувствовала себя, как в клетке. Неясно, как она выдержит в нем целый день, да еще в такую жару. “Нужно обязательно взять с собой флакон с нюхательной солью, чтобы не свалиться со сцены на головы собравшимся”, – предусмотрительно решила она.

– Красота требует жертв! – заметила Зеда, увидев в зеркале ее страдающее лицо, и ободряюще ей улыбнулась.

Лили кивнула и, сжав губы, ухватила за столбик кровати. Горничная изо всех сил потянула за шнурки, которые прижимали к телу девушки стальные пластины корсета, создавая желанный эффект осиной талии. Лили вздрагивала с каждым рывком, ощущая, как сжимаются ее внутренности. В животе теперь у нее словно образовался тяжелый камень.

Достав сантиметр, Зеда с сосредоточенным видом измерила талию Лили.

– Пятьдесят три сантиметра! – объявила она и удовлетворенно кивнула.

– В таком виде ты могла бы недурно зарабатывать в темных переулках! – раздался голос позади нее.

Лили обернулась. На пороге стоял Франц, глядевший на нее с чем-то, неприятно похожим на презрение. Тотчас щеки Зеды покрылись густым румянцем, и она застенчиво опустила глаза. Лили знала, что горничная считала ее старшего брата весьма привлекательным и даже была в него немного влюблена. Однако Франц, как всегда, сделал вид, что прислуги вообще нет в комнате.

– Ты, как всегда, очарователен! – фыркнула Лили в ответ, и уголки его губ насмешливо дрогнули.

– Лошадей уже запрягли. Нам пора.

– Ты что, не видишь, я еще не готова!

– У тебя был на это целый день.

– Да, и он еще не прошел. Без меня все равно не начнут. – Как всегда, когда она разговаривала с Францем, в ее голосе сквозило насмешливое раздражение.

Брат повернулся и бросил взгляд на часы в холле.

– Тебе непременно нужно заставлять целое общество себя дожидаться? Это так на тебя похоже! Наверное, вся Земля вращается вокруг Лили Карстен! – сказал он, подняв брови. – Даю тебе пять минут. Лошади ждут. Там жарко. – Бросив еще один пренебрежительный взгляд на ее выпирающую из корсета грудь, он вышел.

В сердцах Лили бросила ему вслед ругательство, заставившее Зеду вздрогнуть от изумления.

– Как будто его волнуют лошади! Он просто хочет, чтобы я опозорилась перед всеми.

Пять минут! Ей нипочем не успеть. Нужно было еще надеть платье и поправить прическу.

– Он не посмеет... – пробормотала она, прекрасно зная, что еще как посмеет. Он даже, пожалуй, будет рад уехать без нее и скомпрометировать ее в глазах света. Мгновение она лихорадочно соображала, что предпринять.

– Зеда, живо спустись вниз и скажи Агнес, чтобы Тони закладывал коляску. Франц уедет без меня, я точно знаю!

Зеда тут же бросила сантиметр и поспешила к двери. Оставшись в одиночестве, Лили какое-то время размышляла, с какими из оставшихся дамских хитростей она справится без посторонней помощи, и наконец поспешила к зеркалу, чтобы привести в порядок прическу. Однако ей сразу же стало ясно, что здесь все безнадежно. Слишком высокой была влажность –

непослушные локоны торчали во все стороны. Ощущая острое разочарование, Лили бросила шпильки обратно в коробочку и в тот же миг услышала через открытое окно стук лошадиных копыт по гравиию.

– Что?! И пяти минут не подождат! – возмутилась она и выбежала на балкон. Она успела увидеть лишь цилиндр Франца и его ухмылку, когда он высунулся из окна кареты, удалявшейся по направлению к Бельвию, чтобы помахать сестре на прощание. Лили сердито пнула перила и тут же отскочила назад – нога отозвалась резкой болью.

– Сволочь! – крикнула она вслед брату, но коляска уже скрылась за деревьями.

Обратно в комнату ей пришлось добираться, прыгая на одной ноге.

– Зеда! Где ты? – отчаянно позвала Лили. Вот теперь ей действительно, по-настоящему нужно было спешить.

* * *

Пятнадцать минут спустя Лили Карстен бежала вниз по парадной лестнице. Ей так и не удалось избавиться от яркого искусственного румянца, зато наряд был безупречен, хотя белое платье грозило лопнуть на талии при первом неосторожном движении. Когда девушка остановилась, чтобы бросить на себя последний взгляд в зеркало, висящее над камином, к ней с обеспокоенным видом подошла Агнес, верная экономка семейства Карстен.

– Ох, Лили. У нас проблема! – начала было она, но неожиданно запнулась. – Я думала... твой отец запретил... зеленую шляпу. – Как всегда, когда они оставались наедине, Агнес обращалась к Лили на «ты».

– Да-да, я знаю, но другого выхода не было! Нужно было чем-то прикрыть прическу. – Решив в последнюю секунду взбунтоваться, Лили успела об этом пожалеть и энергично махнула рукой, чтобы Агнес не отнимала у нее остатки былой уверенности.

– Что случилось?

– Лошадь охромела, – с траурной миной объявила экономка. – Тони только что заметил. Поехать на ней не получится.

– Как же так? – Лили с ужасом посмотрела на Агнес. Перед глазами словно заплесали мушки, и ей пришлось на мгновение ухватиться за перила, чтобы не потерять равновесие. «Это все корсет», – подумала она, вдыхая и выдыхая так глубоко, как только могла. (А может быть, мысль о гостях из высших кругов общества, которые с нетерпением ждут ее под палящим солнцем.)

– Этого не может быть! – наконец простонала Лили.

Агнес в отчаянии всплеснула руками. Как всегда, когда она расстраивалась, она походила на нахохлившуюся курицу.

– Что же нам теперь делать? – только и смогла пролепетать экономка.

Лили сделала глубокий вдох и поспешила к выходу.

Снаружи, на круговой подъездной дорожке, дожидалась коляска, которую использовал ее отец, когда выезжал один. Перед коляской, фыркая, стоял Сильвер, черный жеребец, купленный прошлой осенью. Тони, наклонившись, осматривал его переднее копыто.

– Что с ним? – спросила Лили, которой из-за наряда пришлось перевести дыхание уже после пары шагов.

– Здравствуйте, фройляйн Лили! – Тони приподнял фуражку, не выпуская из второй руки копыта. – Не знаю, распухла лодыжка. Ехать на нем нельзя.

– Тогда найди другую лошадь, и как можно быстрее!

Девушка вытерла лоб – было так жарко, что она успела взмокнуть.

– Я и так безбожно опаздываю! – воскликнула она в отчаянии.

Тони кивнул, нахмутив брови:

– Я уже распорядился, но это займет некоторое время.

Лили знала, что он прав. Нужно было распрячь Сильвера, запрячь новую лошадь, которую еще только предстояло раздобыть, и кто знает, может быть, ее вдобавок придется мыть, чистить копыта и так далее.

– На это нет времени!

Смотритель конюшни беспомощно развел руками. Агнес, нагнавшая Лили, нервно мяла передник.

– Что же нам делать? – пролепетала она. Лицо экономки под строгим чепцом пошло жгучими красными пятнами. – Если ты не появишься на церемонии вовремя, это будет катастрофа!

– Я знаю! – простонала Лили, с мольбой оглядываясь по сторонам, словно ожидая, что на подъездной дорожке волшебным образом материализуется пролетка.

– Чертов Франц, надо же было ему меня бросить!

Она топнула ногой, как маленький ребенок, и уже готова была в отчаянии рвать на себе волосы. Но вдруг взгляд ее наткнулся на блестящий предмет у стены, рядом с входной дверью.

То был новый велосипед Франца.

Лили нахмурилась. В голову ее закралась мысль – совершенно нелепая и абсурдная. Неужели она осмелится? Нет, это было совершенно неприлично. Или нет? Попадались же ей фотографии женщин на велосипедах – значит, ничего невозможного в этом не было. Но то были велогонки, спортивные соревнования, и они проходили в Бельгии или во Франции. Не в Гамбурге. И не в таком платье, как у нее, это было бы чистым безумием. Она умела ездить на велосипеде – в свое время уламывала Франца до тех пор, пока тот нехотя не согласился ее поучить. Его старый «пенни-фартинг» она так и не освоила до конца. Однако сейчас перед ней была новая модель, с колесами одинакового размера, легкая в управлении даже для кого-то вроде нее – Лили уже проверила ее в действии. Кататься на новом велосипеде брата было очень приятно – она вспомнила ощущение ветра в волосах, стук колес по гравию, то, как Михель, смеясь, прыгал вокруг нее и пытался ее поймать. Тогда она чувствовала себя по-настоящему свободной. Будто могла просто выехать, промчаться по Бельвию и исчезнуть, не оставив следа. Ей казалось, что куда бы она ни вздумала отправиться, ноги домчат ее в мгновение ока. Она страшно завидовала старшему брату, который в отличие от нее мог ездить на велосипеде по городу. Доставленный из Англии по специальному заказу, велосипед стоил Францу целых триста марок. «Если ты оставишь на нем хоть одну крошечную царапину, лучше потом не попадайся мне на глаза!» – пригрозил ей брат, и она знала, что он говорит всерьез.

Но она и не собиралась портить велосипед. Ездить на нем было легко, стоило только освоиться. Правда, подол платья то и дело грозил за что-нибудь зацепиться. Но если одной рукой придерживать платье, а другой держаться за руль... Она взглянула на беспомощные лица Агнес и Тони.

– Я отправлю мальчика на рыночную площадь, пусть он наймет пролетку, – предложила Агнес, но Лили только отмахнулась.

– К тому времени, как он вернется, церемония уже закончится!

Она помедлила мгновение, а затем решительно направилась к велосипеду. Лошади ненамного быстрее, а на велосипеде к тому же можно выехать прямо сейчас. Главное, чтобы гости ее не увидели. Иначе скандала не избежать.

* * *

Чувствуя невероятный прилив уверенности, Альфред Карстен расточал улыбки окружающим. На торжество явились все, первый и второй мэры Гамбурга Петерсен и Кирхенпауэр,

городской совет, а также Герхард Вебер и Йенс Боргер, его основные инвесторы. Затем он заметил, как желтые волосы Людвига Олкерта вспыхнули в солнечном свете.

То, что Олкерт тоже пришел, озадачило его. Олкерту принадлежал Розенгоф, первый и пока единственный конторский дом в Гамбурге и – если верить владельцу – самый современный в мире. С начала года у судоходной компании Карстенов также была своя контора в этом доме. Несмотря на это, отношения между старшим Карстеном и Олкертом были, мягко говоря, прохладными. Альфред просто не нашел общего языка с этим человеком. Тем не менее он по достоинству оценил тот факт, что Олкерт сегодня оставил свои дела, чтобы поддержать Карстенов. Конечно, это было сделано не без задней мысли, и Альфред это прекрасно понимал. Тем не менее, это был благородный жест.

Карстен огляделся. Половина жителей Бельвю и большая часть Эльбхаусзее были в сборе – и все они великолепно потели в своих модных платьях и костюмах. Гамбург, казалось, превратился в раскаленный котел. Дамы обмахивались веерами, а господа украдкой вытирали струйки пота с висков. Мало-помалу Альфред Карстен стал ощущать беспокойство. Скоро какая-нибудь из дам больше не сможет выносить тесноту своего корсета и жару. У супруги Герхарда Вебера уже был мученический вид, она недовольно морщила нос. В порту никогда не пахло особенно приятно, но сегодня воздух, казалось, спрессовал все нездоровые испарения города в одну ужасную вонь, которая висела в воздухе, как мутная завеса, и Альфреду сделалось не по себе. Он не мог больше заставлять людей ждать. Если Лили не соизволит явиться, ему нужно найти кого-то другого. Зильта не могла ее заменить, так как по традиции крестной матерью корабля должна была быть девственница.

Оглядывая толпу в поисках дочери, которой не было, он заметил, что начинает злиться. На Лили просто нельзя было положиться, она снова и снова подводила его. Она парила в облаках – или, лучше сказать, в книгах. В принципе, он ничего не имел против книг, но из-за них она стала слишком мечтательной. Для нее было честью стать крестной матерью для такого важного корабля, как «Титания», – большой честью. Однако Альфред не мог отделаться от мысли, что Лили не только не оценила этого, но, казалось, вообще не поняла, что значит быть крестной корабля. Он ведь видел, что судоходная компания не имеет для нее такого же значения, как для остальных членов семьи, что она находит корабли скучными и не понимает, что его в них так привлекает. Но тем не менее он надеялся, что у нее хватит такта соблюсти минимальные приличия. Чего стоил хотя бы спор, который ему пришлось выдержать по поводу ее отвратительной новой шляпы. Одно воспоминание об этом заставило его стиснуть челюсти. И она ведь собиралась надеть эту зеленую вызывающую дрянь на церемонию крещения корабля!

К счастью, Франц быстро заставил ее образумиться. Он бывал слишком резок со своими братьями и сестрами, но в отношении Лили, по крайней мере, эта резкость была оправдана. Альфред вздохнул. Иногда он думал, что они с Зильтой были слишком либеральны, воспитывая детей. Лили, к примеру, привыкла все делать по-своему. В принципе, ему это нравилось, Зильта была такой же, но в более приличной, менее вызывающей манере. Он был за то, чтобы представлять женщинам самостоятельность. Беда в том, что иногда Лили позволяла себе забывать о своем положении в обществе.

По толпе прошел гул, головы повернулись, шеи вытянулись, люди перешептывались с озадаченным видом. По взгляду жены он понял, что что-то не так. Вся кровь отхлынула от ее лица.

– О, господи, – прошептала Зильта. – О чем она только думала?

Супруга вцепилась в его руку, в ужасе указывая в сторону верфи. Теперь он тоже видел, что именно озадачило присутствующих и поразило его жену. Лили наконец-то приехала. На голове у нее была та самая зеленая шляпа с огромным пером. У него перехватило дыхание. Он не сразу понял, что именно с Лили не так, а когда понял, то в сердцах решил, что день окончательно не задался.

Его дочь ехала на велосипеде!

* * *

Лили пришлось собраться с духом, чтобы не поддаваться искушению немедленно повернуть обратно. Колени дрожали. Она попыталась любезно улыбнуться собравшимся, которые не сводили с нее глаз, но мышцы лица не слушались. План с незаметным появлением полностью провалился. Пару раз она едва не заблудилась, а однажды даже упала, когда платье зацепилось за спицы. Теперь ее перчатки были безнадежно испачканы, а на платье красовалась дыра. В довершение всего она умудрилась забыть, где именно стоит на якоре «Титания». Ей не доводилось бывать здесь одной. А потому стоило ей выехать из-за угла, как к ней повернулся добрый десяток людей, которые с изумлением уставились на нее. И прятать велосипед было слишком поздно. Лили хотелось провалиться сквозь землю. Но она медленно подкатила ближе и наконец с высоко поднятой головой на глазах у всех слезла с велосипеда, как будто это было самой естественной вещью в мире. От перешептываний в толпе у нее пошли мурашки по коже. Корсет не позволял легким как следует наполняться воздухом. В своем тесном платье она еле-еле контролировала дыхание и к тому же вся взмокла.

Она боязливо покосилась на помост, на котором стояла ее семья. Даже с такого расстояния она ей удалось разглядеть, какого труда стоило матери сохранять самообладание. Франц, казалось, окаменел, у Генри вся краска сошла с лица, а отец кипел от еле сдерживаемого гнева.

Мысли Лили метались. Ей оставалось только одно: сохранять спокойствие и улыбаться.

Она огляделась в поисках места, где можно было бы оставить велосипед. Рядом с ней, прислонившись к фонарю, стоял мужчина – видимо, грузчик, – и смотрел на нее со странным выражением. Смесь любопытства, удивления и веселья читалась на его лице. Лили поймала себя на том, что под его взглядом краснеет еще больше. Он смеется надо мной, сердито подумала она. Но затем взяла себя в руки.

– Будьте так любезны... – мягко попросила она, подталкивая к нему велосипед и разворачивая руль.

В глазах незнакомца мелькнуло удивление, и мгновение, показавшееся ей вечностью, он никак не реагировал на ее просьбу. От его пронзительного взгляда по телу Лили пошли мурашки. Затем, приподняв бровь, мужчина молча взял велосипед. Она отметила про себя, что он очень привлекателен – разумеется, на свой грубый манер. Лили поблагодарила незнакомца улыбкой, на которую тот не ответил. Продвигаясь в толпе, она чувствовала его взгляд на затылке.

Тем временем гости сторонились, освобождая проход, по которому она шла, как невеста к алтарю. Или как Анна Болейн к эшафоту, подумала она и судорожно сглотнула. Ей казалось, будто она идет сквозь стаю волков. С высоко поднятой головой и фальшивой улыбкой, застывшей на губах, она медленно двигалась к помосту, где стояли родители, на ходу пытаясь придержать подол платья так, чтобы рука прикрывала прореху. Большого труда стоило не замечать перешептываний, вызванных ее дерзким появлением, – некоторые обсуждали ее, почти не таясь.

– Ты видела, Милли?

– На велосипеде, кошмар какой!

– Это вообще законно?

– С ума сойти!

– И как только Карстен это позволяет!

Страдая от стиснувшего внутренности корсета, Лили подумала, что после этого дня родители наверняка сошлют ее в монастырь на краю света. Но когда она осмелилась бросить взгляд на лица гостей, то с удивлением заметила, что не все присутствующие полны негодования.

Несколько господ даже улыбнулись ей, впечатленные ее подвигом, а старая Герда Линдман, лучшая подруга ее бабушки, залилась веселым смехом и помахала ей кружевным платком.

Девушка застенчиво подняла руку и помахала в ответ.

Пока Лили двигалась к сцене, семья получила передышку, чтобы собраться с силами. Зильта среагировала быстрее всех.

– Наш сюрприз удался! – крикнула она толпе с сияющей улыбкой. – Дамы и господа, ожидание того стоило. Крестная приехала. Мы считали, что это событие заслуживает особого подхода! Я надеюсь, что мы смогли произвести на вас впечатление!

Герда Линдман была первой, кто начал хлопать в тишине. Она подтолкнула женщину рядом с собой, и та после секундного колебания тоже зааплодировала. Вскоре последовали первые жидкие хлопки; то одни, то другие гости выражали свое одобрение. Правда, самые пожилые дамы по-прежнему мрачно переглядывались, но общее настроение явно улучшилось.

Лили собралась с духом и подняла глаза на отца. Он тоже аплодировал, но она понимала, что внутри него все кипит. Франц смотрел на нее с ненавистью. Он не хлопал в ладоши, но, поймав предостерегающий взгляд Зильты, изобразил насильственную улыбку.

– Ну, теперь мы можем начинать!

Слово взял ее отец.

– «Вы должны думать не только о своем времени». Этот девиз сопровождает нашу сегодняшнюю церемонию крещения. Следствием его стало необычное появление моей дочери, которое, надеюсь, вы простите за дерзость, – провозгласил он. Кое-кто из присутствующих одобрительно кивнул, кто-то засмеялся.

Лили поняла, как умно он поступил, и бросила на него восхищенный взгляд. Ее родители были мастерами скрывать от общественности больные места семьи. Благодаря Михелю им пришлось волей-неволей этому научиться. Однако то, что происходило сейчас, оказалось подвигом даже для ее отца. Лили видела, как его слова и непринужденная манера все больше и больше привлекали людей на его сторону. Никто не мог устоять перед Альфредом Карстеном, когда он использовал все свое обаяние.

Гениальная идея матери – создать впечатление, что семья спланировала смелое появление Лили как развлечение для собравшихся гостей, – стала ее спасением.

– Наши суда традиционно изготавливаются в соответствии с лучшими стандартами, но с использованием новейших технологий, которые позволяют безопасно плавать по мировым океанам. Мы думаем на шаг впереди, дерзаем там, где другие отстают, – продолжал отец, и она заметила, что с каждым словом он становился все увереннее.

Франц удовлетворенно кивнул. Конечно, люди все равно разинули бы на нее рты, но Лили не питала иллюзий по этому поводу. По крайней мере, она не была публично опозорена и смогла сохранить свое лицо.

Когда отец, наконец, предоставил ей слово, Лили почувствовала, как у нее подгибаются колени. Она достала из расшитой жемчугом сумочки свой маленький блокнот и раскрыла его. Несмотря на то, что она волновалась, и на стиснувший тело корсет, она заставила себя сделать глубокий вдох. Щеки ее порозовели.

– Королева эльфов «Титания», в честь которой назван этот великолепный корабль, в пьесе Шекспира «Сон в летнюю ночь» говорит... – начала Лили и услышала, как Франц рядом с ней тихо застонал.

Францу казалось нелепым, что ее отец называл все свои корабли в честь героинь из пьес Шекспира. «Дайте им красивое немецкое имя!» – часто восклицал брат, когда речь заходила о новом названии.

«Корабли созданы в Англии, как и большая часть хорошей литературы, так почему бы им не носить английское название?» – обычно отвечал отец в таких ситуациях.

«Гете тоже хорошо писал!» – однажды буркнул Франц. Однако отец привык оставлять последнее слово за собой. Он заметил сыну, что тот понятия не имеет, что на самом деле написал Гете, и поинтересовался, не хочет ли Франц процитировать что-нибудь, коль скоро он так убежден в его гениальности.

Лили легонько толкнула старшего брата локтем, посмотрела на свои записи, а затем перевела взгляд на толпу и, волнуясь, но громко и отчетливо процитировала слова Титании в переводе немецкого классика Августа Шлегеля:

Мы сидели на желтом песке,
Наблюдая, как торговые суда плывут по волнам,
И смеялись, когда от буйной игры ветра
Казалось, распухают паруса, как беременная утроба.

Ее мать, сидевшая рядом с ней, испуганно ахнула. Метафора все же была чересчур смелой. По толпе прошел удивленный шепот. Но это ведь был Шекспир. Он всегда казался немного скандальным, но с его скандальностью смиряться. Выступать против признанного классика – себе дороже. Лили улыбнулась, потому что знала, что окружающие именно так и отреагируют, и продолжала:

– Что еще я могу сказать, кроме того, что я крещу тебя именем Титания, желаю тебе всегда хорошо плавать, и чтобы уровень воды все время был под килем на расстоянии вытянутой руки. Итак, я крещу тебя «Титанией»!

Она взяла бутылку шампанского, которая висела на длинной веревке, и изо всех сил швырнула ее в носовую часть корабля. Бутылка разбилась, капли шампанского брызнули в воздух и ярко сверкнули на солнце, прежде чем раствориться в воде гавани.

Толпа кричала и хлопала в ладоши. Отец обнял Лили, одновременно улыбаясь и строго глядя на нее. Нахмуренные брови ясно давали понять, что серьезный разговор будет позже. Мать тоже обняла ее, Генри немного смущенно поцеловал Лили в щеку. Франц махал рукой толпе, игнорируя свою семью.

– Это была очень удачная речь, моя дорогая. Разве что цитату можно было выбрать лучше. – Зильта поцеловала дочь в лоб. – Я горжусь тобой. Мы еще поговорим о велосипеде!

* * *

Когда они сошли со сцены и начали принимать поздравления, сыпавшиеся со всех сторон, произошел инцидент. Внезапный порыв ветра пронесся по сухому от пыли воздуху гавани. Раздались испуганные возгласы, один или два цилиндра едва не улетели, и дамы придержали рвущиеся из рук подола платьев.

– Гроза была бы благословением! – Зильта посмотрела на небо, а затем отвернулась, моргая, потому что ей в глаза попал песок.

– Э, нет, только после того, как мы вернемся домой! – возразил Франц.

Лили, держась за руку Генри, тоже видела тучи, которые угрожающе сгущались на горизонте над шпилем церкви святого Михаила в Гамбурге.

– Смотри, не промокни по дороге домой, сестренка!

Изумившись, Лили посмотрела в искаженное злобой лицо своего старшего брата.

– Ты о чем?

– Ну, ты же, наверное, не думаешь, что я отвезу тебя домой?

– Но...

Лили озадаченно смотрела на брата. Она даже не думала об этом. Франц, однако, стоял на своем:

– В любом случае, в карете нет места. Возвращайся домой сама как хочешь, а если не вернешь велосипед, ты должна мне триста марок.

– Это нечестно! Ты просто нарочно уехал утром. Ты же знал, что я должна крестить корабль!

Лили готова была вспылить, но Генри встал между братом и сестрой.

– Дорогая, не беспокойся, мы все устроим. Здесь, в порту, трудно найти свободную повозку, но мы подыщем кого-нибудь, кто доставит велосипед домой за небольшую плату.

Франц презрительно рассмеялся.

– Может быть, ты отдашь его кому-нибудь из портовых рабочих? Он стоит больше, чем они получают за год. Нет уж, пусть Лили сама расхлебывает кашу, которую заварила!

Новый порыв ветра пронесся по толпе, завладел галстуком Франца, и последнему пришлось умолкнуть. Лили почувствовала, что ее словно дернули за волосы, и подняла руки к голове.

– Что проис...

В следующее мгновение она увидела, что ветер сорвал с нее шляпу и несет по воздуху к воде. Генри бросился за ней, когда новый порыв ветра чуть не сбил его с ног.

– Моя шляпа! – воскликнула Лили. Неожиданно ей стало смешно. – Генри, беги быстрее!

У нее мелькнула мысль, как нелепа и даже в чем-то забавна возникшая ситуация. Не успев схватить шляпу, Генри споткнулся. Дамы неподалеку строили как вкопанные и, поджав губы, с неодобрением наблюдали за происходящим. Лили стало еще смешнее. Она ведь не могла знать, что именно в этот день, с этого незначительного события все и начнется.

В тот момент, когда Генри почти настиг парящую шляпу, она была словно схвачена невидимой рукой и исчезла между кораблем и пирсом.

– О нет! – Лили застонала.

Генри стоял в некотором недоумении, глядя на воду. Лили бросилась к нему.

– Что же нам теперь делать? Она дорого стоила! Если я потеряю ее, после всего, что уже произошло сегодня, я получу три недели домашнего ареста.

– Не волнуйся, я все улажу! – Генри подозвал одного из сторожей. – Эй! Спустишь туда и принеси даме ее шляпу!

Он говорил не грубо, но это был недвусмысленный приказ.

– Генри, мы не можем просить об этом! – воскликнула Лили.

– Почему это? – Он изумленно посмотрел на нее. Затем вздохнул, нахмурившись, достал свой бумажник, порылся в нем и протянул сторожу монету.

– Держи. За все твои хлопоты.

Мужчина мгновение колебался, затем взял монету. Лили с содроганием наблюдала за тем, как он снимает обувь. Затем он схватил один из канатов, уходящих в воду, и, как обезьяна, спустился по нему.

– Разве это не опасно? – Лили схватила Генри за руку. Огромный корабль находился всего в метре от пирса.

– Что тут может быть опасного, разве что он немного промокнет! – сказал Генри со смехом.

Лили почувствовала, как в ней поднимается гнев.

«Тогда зачем ты нанял его, а сам не пошел, раз это так просто?» – мелькнуло у нее в голове. Она и представить себе не могла, что кто-то из героев ее романа просто стоял бы рядом в такой ситуации. Она часто сравнивала Генри с мужчинами из своих книг. Он был высоким, статным, со светлыми кудрями, его семья принадлежала к знати, и его поведение всегда казалось безупречным. Конечно, романы и жизнь – вещи разные. Но все равно, подумала она, не очень-то поведение Генри галантно.

С растущей тревогой она наблюдала, как сторож, держась одной рукой за канат, другой пытается дотянуться до шляпы. Однако та была уже слишком далеко. Видя, что так выудить шляпу не удастся, он соскользнул в воду и поплыл.

В этот момент до Лили донеслось ворчание – сначала тихое, затем все громче и громче. Девушка в изумлении подняла голову. Темное облако, которое только что ползло над церковью святого Михаила, нависло над гаванью. В течение нескольких секунд порывы ветра были настолько сильными, что ей пришлось придерживать подол платья обеими руками. Ветер внезапно завыл, как разъяренный зверь.

– Нам лучше поискать укрытие! – Генри хотел увести ее с собой, но Лили вырвалась.

– Подожди! – крикнула она. Человек в воде боролся с набегающими волнами, которые уносили шляпу все дальше от него.

Лили в тревоге смотрела на него. Только что там было намного больше воды, отметила она, прежде чем с ужасом поняла, что «Титания» пришла в движение.

– Берегись! – крикнула она. – Корабль!

Мужчина поднял на нее глаза, но, казалось, не слышал ее, потому что продолжал плыть, и волны, расходящиеся от движений его рук, уносили злополучную шляпу все дальше от него.

В панике Лили оглянулась, ища, кого бы позвать на помощь. Но поблизости почти никого не было, люди спешили к своим каретам. В отдалении она видела свою семью, которая собиралась возвращаться домой.

– Генри, что, если корабль раздавит его?

Лили потянула жениха обратно к воде. В волнении она указала на «живот» «Титании», который теперь округлился еще сильнее. Корабль был ближе к пирсу, чем несколько секунд назад.

– Ветер относит корабль на пирс!

Генри, придерживая свой цилиндр, посмотрел туда, куда указывала его невеста.

– Нет, Лили, именно для таких случаев здесь висят кранцы. Они удерживают корабль от резких ударов. В противном случае он постоянно бился бы о пирс и ломался! – возразил он, борясь с ветром. – А теперь поторопись, дама ждет! – крикнул он мужчине, который тем временем сумел-таки добраться до шляпы.

Лили с облегчением наблюдала, как сторож подплыл к пирсу и теперь пытался подтянуться на одном из канатов. Но последний был слишком толстым и зарос скользкими водорослями. Руки пловца соскальзывали. Лили увидела страх, мелькнувший в его взгляде. Он должен схватиться за канат потоньше, подумала она.

– Иди сюда, здесь легче подняться! – взволнованно крикнула она и опустилась на колени.

– Лили! Твое платье!

Словно из ниоткуда рядом с ней материализовалась мать, крепко схватила ее за локоть и заставила встать.

– Неужели ты сегодня совершенно не в себе?

– Мама, ты только посмотри!

В испуге она указала на мужчину, который теперь надел шляпу на голову, чтобы легче было плыть. Он попытался вернуться к тому месту, где погружался в воду.

– Ах, боже мой. – Зильта раздраженно взглянула на него. – Да что же это такое?

– Ветер сдул мою шляпу в воду. Я боюсь, что корабль...

В этот миг «Титания» издала громкий, почти человеческий стон, и зазор между корпусом корабля и пирсом исчез. Внезапно пловец скрылся из виду.

– О боже, – вырвалось у Лили. Зильта побледнела, обе женщины одновременно опустились на колени и стали высматривать пловца.

– Ты видишь его? Где он?

– Я здесь! – донесся приглушенный голос снизу, из воды.

– О, слава богу! Отсюда, сверху, кажется, что вы исчезли! – воскликнула Лили. Когда она наклонилась еще немного, то увидела голову человека, который цеплялся за пирс.

– Вы можете вернуться к первому канату?

– Я попытаюсь. Но если я отплыву, и корабль снова врежется в пирс, тогда...

В ужасе Лили посмотрела на мать. Зильта прикрыла рот рукой. Она все еще стояла на коленях рядом с Лили.

– Генри, сделай что-нибудь! – крикнула мать.

Генри был явно ошеломлен происходящим. Он тоже наклонился над краем пирса и, казалось, лихорадочно размышлял, но не мог прийти ни к какому выводу.

Лили чуть не потеряла равновесие, так сильно она наклонилась над водой. Она увидела, как мужчина ощупывает борт корабля. Щель была настолько узкой, что всякий раз, когда корабль качало на волнах, Лили становилось не по себе. Ветер нес по гавани сухие листья, на губах она ощущала вкус пыли. Внезапно до нее донесся крик.

– Боже мой, он раздавлен! – Зильта побелела.

В следующий миг Лили грубо оттолкнули в сторону. Она упала, ее подбородок ударился о землю, потекла кровь. В изумлении она кое-как села. Мужчина в рабочей одежде и с кепкой на голове бросился на настил пирса, чтобы заглянуть через край. В течение нескольких секунд он, казалось, осознал, что происходит. Незнакомец вскочил на ноги и что-то выкрикнул. Затем он подбежал к куче железных прутьев, поднял один из них и изо всех сил ударил им по кораблю. Пораженная до глубины души Лили увидела, как другие сторожа и несколько рабочих присоединились к нему и тоже стали колотить прутьями по обшивке.

Сначала казалось, что «Титания» их даже не замечает. Корабль такой огромный, как же они собираются что-то сделать с этими дурацкими прутьями, испуганно подумала Лили. В своем белом платье она сидела в пыли между мужчинами, которые яростно сражались с кораблем, и через несколько секунд, когда побагровевшие от напряжения рабочие изо всех сил налегли на корабль, «Титания» сдалась и сдвинулась с места. Сначала так медленно, что Лили даже не заметила этого, потом вдруг быстрее, и наконец канаты, к которым был прикреплен корабль, напряглись.

– Вытащите его!

Мужчина, который толкнул ее, не колебался ни секунды. Когда щель между кораблем и пирсом стала достаточно широкой, он схватил один из канатов и перемахнул вниз. Прежде чем его лицо исчезло из виду, его сердитый взгляд скользнул по ней, и Лили с ужасом поняла, что это был тот самый рабочий, которому она так нахально вручила велосипед.

Она резко выпрямилась. Генри, который, словно в шоке, наблюдал за всем происходящим, помог ей подняться.

Пловец подхватил раненого и привязал его вместе с собой к одной веревке. По его сигналу оставшиеся на берегу стали вытаскивать ее, и вскоре оба, задыхаясь, лежали на берегу.

Лили хотела броситься к раненому, но внезапно остановилась и в ужасе закрыла рот рукой. Нога человека, который должен был спасти ее шляпу, была странно выгнута. Он лежал лицом на земле, судорожно загребая ее руками, и громко стонал. Там, где должна была находиться его левая нога, остались только окровавленные клочья плоти и осколки костей.

Ей пришлось отвернуться, потому что внезапная волна тошноты накрыла ее.

– Быстрее, Генри! – выдохнула она, но Генри уже стоял на коленях рядом с мужчиной.

Он приподнял штанину и осмотрел стопу, потом пощупал пульс.

– Он должен немедленно отправиться в больницу к хирургу, – объявил Генри с ученым видом.

– Что здесь происходит?

Альфред и Франц подошли к ним. Зильта в двух словах объяснила, что произошло.

– Этот день проклят, – пробормотал Альфред, бросив взгляд на раздробленную ногу мужчины. Он побледнел, отвернулся и на мгновение прикрыл глаза рукой. – Доставьте его в больницу. Я оплачу лечение.

Двое рабочих вынесли теряющего сознание мужчину на середину, остальные побежали за тележкой. Раненый закричал, когда его внезапно передвинули, и Лили прижала руки к ушам. Никогда еще она не слышала, чтобы кто-то так кричал. Когда пострадавшего унесли, за ним волочился кровавый след. Алая кровь впечаталась в пыль гавани.

– Я же предупреждал. – Отец наклонился и поднял с земли шляпу, которая стала мокрой и грязной и потеряла всякий вид. С выражением холодной ярости в глазах он сжал ее в руках. – Я надеюсь, что это того стоило, черт возьми!

Затем он взял Зильту за руку и потащил ее за собой к карете. Мать бросила на Лили тревожный взгляд, но подчинилась. Франц молча последовал за родителями.

Генри положил руку ей на плечо. Ошеломленная Лили смотрела на шляпу в своих руках. Великолепное зеленое перо было помято и изломано. Но она знала, что в любом случае больше никогда не наденет эту шляпу. Она чувствовала себя ужасно.

Во всем случившемся была виновата только она. Когда они вспоминала полные страданий крики раненого, ей казалось, что она вот-вот разрыдается.

Обернувшись, она снова увидела того человека, который спас рабочего. Он просто собрал разбросанные железные прутья и бросил их обратно в кучу. Холодно, почти презрительно он посмотрел на нее. Она сглотнула, но затем собралась с духом и шагнула к нему.

– Большое спасибо, что вы... – начала она, заикаясь, но ее тут же прервал Генри.

– Эй, ты, как тебя там! Ты толкнул мою невесту! Она упала! Просто посмотри, на кого она теперь похожа!

Лили оглядела себя. Белое платье в грязи сверху донизу, светлые перчатки изодраны, а ладони в ссадинах и крови. Она даже не заметила этого.

Мужчина, казалось, не до конца решил, находит ли он волнение Генри забавным или раздражающим. Несколько мгновений незнакомец, подбоченившись, молча смотрел на ее жениха.

– Она мешала! – наконец бросил он, пожав плечами и швырнув последний прут в кучу. Генри собирался вспылить, но собеседник просто отвернулся, не обращая на него внимания. Немного замешкавшись, он покосился на Лили.

– Мне очень жаль, если я сделал вам больно. Я должен был действовать быстро, – говорил он после некоторого колебания.

Лили кивнула.

– Это случилось из-за меня. Спасибо, что вы... что вы так поступили и вытащили его.

Собеседник, казалось, был озадачен ее словами, но ничего не ответил. Внезапно ей пришло в голову, что ей все-таки нужно как-то добраться домой.

– А мой велосипед?

– Я привязал его к фонарю.

– Вот и отлично. В любом случае нужен кто-то, кто доставит его нам, – вмешался Генри. – Как тебя зовут?

– Йо Болтен, – лаконично ответил рабочий.

– Болтен, ты уже проявил себя героем, как насчет того, чтобы помочь нам? Эта дама ищет кого-нибудь, кто отвезет ее велосипед обратно в Бельвю.

– Слушайте, она сама приехала на нем сюда, так что мешает ей так же вернуться обратно? – спросил Болтен.

– Дождь, конечно. – Генри протянул собеседнику монету. – Скоро гроза разыграется по-настоящему. Может быть, ты хочешь, чтобы дама заболела пневмонией?

Мужчина взглянул на монету в руке Генри, затем посмотрел на Лили. Он и бровью не повел. Лили почувствовала, как становится огненно-красной под его взглядом.

– Вам не нужно этого делать... – пролепетала она. – Генри, ей-богу...

– Почему бы тебе самому не вернуть его? – спросил мужчина у Генри, не отрывая взгляда от Лили. Его голос не был ни недружелюбным, ни вызывающим. Но Генри взревел так, словно на него напали.

– Может быть, я должен испортить свой костюм? О чем ты думаешь, в конце концов? Будет лить как из ведра, и город превратится в месиво...

Как раз в этот миг пошел дождь. Тяжелые холодные капли падали на землю и на людей, обжигая Лили щеки и шею.

– Ну так что? – спросил Генри, укрывая Лили. – Велосипед надо доставить на виллу Карстенов. Я уверен, ты их знаешь.

Рабочий, казалось, даже не замечал дождя. С его темных волос на лицо стекали капли.

– Вилла Карстенов?

Казалось, он ненадолго задумался.

– У меня неподалеку есть еще одно дельце. Я доставлю велосипед сегодня вечером, – сказал он.

– И лучше в безупречном состоянии!

– Генри! – Лили было ужасно стыдно. – В конце концов, он делает нам одолжение!

Мужчина и глазом не моргнул, он не удостоил Генри ни ответом, ни взглядом, а просто повернулся и ушел. Генри все еще стоял с протянутой рукой. Только сейчас Лили заметила, что ее новый знакомый не взял предложенную монету.

Глава 2

Крыса была больна, в этом не было никаких сомнений. Йо наблюдал за ней уже некоторое время. Прислонившись к стене, он смотрел, как зверек бредет, шатаясь и дрожа, как в лихорадке. Черные глаза крысы были подернуты пеленой, на сером мехе виднелись следы крови.

Йо ненавидел крыс, они напоминали ему о времени, проведенном в тюрьме – едва становилось темно, эти твари пытались грызть пальцы на его ногах. А еще однажды, когда он был маленьким, крыса пробралась к ним в постель и отгрызла его брату кусочек уха. След от укуса виден был до сих пор. Вдобавок Вильгельм подхватил тогда опасную инфекцию, и отцу пришлось истратить на лечение значительную часть годового жалованья.

Зверек, что копошился сейчас у его ног, очевидно, любил полакомиться гниющими отбросами. Он был таким толстым, что брюхо волочилось по земле. Только крысы и наедаются здесь досыта, с горечью подумал Йо и выплюнул крошку табака. Но дело, которое привело его сюда, нельзя было обделать в приличной конторе где-нибудь в Бельвю. Такие сделки совершались только здесь. В черном сердце Гамбурга.

По пути к дому, адрес которого был написан на клочке бумаге, хранившемся в жилетном кармане, он встретил больше проституток и нищих, чем мог сосчитать. Запах гнили из каналов смешивался с дымом бесчисленных труб. Заброшенные дети, едва научившиеся ходить на кривых от рахита ножках, дрались за свои единственные игрушки – палки и пустые консервные банки. Йо знал, каково это – вырасти здесь. Вонючие трущобы старого города между Штайнштрассе, Шпиталерштрассе и Нидерштрассе когда-то были и его домом. Но между ним и этими детьми все же была существенная разница: он мог работать и зарабатывать деньги – немного, но достаточно, чтобы поддерживать семью на плаву. Чтобы его братья и сестры, по крайней мере, не лежали ночами без сна, страдая от голода.

Он прекрасно понимал женщину, набросившуюся сегодня на Карстена. Ему знаком был этот страх и бессильный гнев. Когда его отец стал жертвой несчастного случая, ему тоже казалось, что их семья обречена. Дети сбивались в кучу по ночам, голодные спазмы мешали им уснуть, и он представлял себе, как утром их находят в постели, замерзшими насмерть. В конце концов Лени, его сестричка, действительно умерла. Она была еще слишком маленькой и совсем ослабла. Когда наступила зима и в комнате, где они жили, стало так холодно, что к утру промерзал потолок,хватило и легкой простуды, чтобы расстаться с жизнью. Малышка заснула на руках матери – почти скелет, обтянутый кожей, – и в обращенных к нему голубых глазах, казалось, навеки застыл вопрос: почему он позволил ей так страдать? Это был самый тяжелый, самый мрачный час его жизни. Он по сей день видел ее в кошмарах, она словно наяву стояла у его кровати – маленькая, изможденная фигурка, с укором глядящая на него из темноты. Он просыпался в холодном поту всякий раз, едва ее костлявые пальчики смыкались у него на запястьях. Иногда ему даже казалось, что и после пробуждения – когда он сидел в постели, тяжело дыша и пытаясь отогнать от себя образы из сновидений, – он все еще ощущает ее прикосновение.

У них не было денег на приличное погребение, поэтому ее просто зарыли в безымянной братской могиле. Его крошку Лени, самую дорогую, самую умную девочку, какую он когда-либо знал. Он мечтал однажды поставить ей достойный памятник. Но трудные времена еще не миновали. Слишком много было голодных ртов, слишком дорого обходилась жизнь в городе, квартплата с каждым годом становилась все более неподъемной. И все же уехать они не могли, здесь у него была работа. Кому-то из детей всегда нужна была новая обувь. У матери к тому времени появилось еще двое детей, и они никогда не наедались досыта. Оба отца почли за благо исчезнуть навсегда, и положив руку на сердце он не мог их винить. Кто захочет взять на себя ответственность за такую большую семью?

Вскоре после смерти Лени Йо исполнилось двенадцать, и мать, отведя его в сторонку, сказала:

– Теперь ты старший. Отца с нами больше нет, так продолжаться не может. Ты нужен мне!

Затем она написала какую-то записку, все утро провозилась с ним, пытаясь, насколько возможно, придать ему пристойный вид, и они куда-то пошли. Он вспомнил потную руку матери, тянувшую его за собой сквозь толпу, и нарастающее чувство страха. Когда они наконец добрались до виллы, мальчик был поражен. Раньше он никогда не видел такого дома, чье величие казалось фантастическим. Даже кабинет, куда привел его слуга, брезгливо сняв с него шапку, превосходил самые дерзкие фантазии Йо. В обычных обстоятельствах его бы сюда и на порог не пустили. Но его мать бесстрашно постучала в дверь черного хода, тем самым запустив цепь событий, в которых он так до конца и не разобрался. Всучив записку, она толкнула его в кухню и исчезла, прошептав на прощание: «Смотри не оплошай!» Маленький Йо стоял там и ждал, пока мимо сновали слуги, награждая его презрительными взглядами и обмениваясь колкими замечаниями в его адрес.

Наконец его через большой зал отвели в прихожую, где он прождал, казалось, целую вечность, не смея шевельнуться. Его повсюду сопровождал слуга: пока они ждали приглашения хозяина, он стоял рядом, прислонившись к стене, и следил за каждым движением мальчика, чтобы тот – не дай бог! – ничего не украл. И это было к лучшему – только в непосредственной близости от себя Йо приметил с десятков вещей, которые он сразу бы прикарманил, оставшись без присмотра. Голодному не до принципов, а он голодал уже несколько месяцев. Вот, например, те часы позади него – он знал в Гамбурге пару местечек, где за них можно было выручить марок двадцать. Семье хватило бы этого на месяц.

Когда его наконец пустили в кабинет, перед ним предстал мужчина с львиной гривой, показавшийся ему воплощением Бога на земле. Он восседал за столом, спиной к окну с видом на Бинненальстер и ратушу. Лучи закатного солнца подсвечивали его бороду красным и золотым, создавая впечатление, будто он окружен ореолом – что в свете последующих событий покажется довольно-таки ироничным. Один лишь стол здесь был размером с половину комнаты, в которой ютилась семья Йо.

Мальчик стоял в дверях, расчесывая от неуверенности руки, и ждал, когда на него обратят внимание. Но этого не происходило, только тикали часы, и когда этот звук сделался для него невыносимым, он тихонько откашлялся. Затем еще раз, уже громче.

– Меня просили передать вам это!

И хотя Йо до сих пор не знал, как так вышло, с того самого дня он работал на Людвиг Олкерта, самого могущественного гамбургского торговца, для которого стал со временем чем-то вроде невидимой правой руки. Йо был теперь заместителем Олкерта, отвечал за наем людей. Он знал поименно каждого служащего и руководил всеми работами в порту. Но были у него и другие обязанности. Сделки, о которых не знал никто, кроме него, Олкерта и противоположной стороны.

Когда он начал работать на Олкерта, все в его жизни переменилось. Правда, школу он с тех пор видел только снаружи, зато теперь им не приходилось голодать и ютиться в холодной каморке. Повзрослев, Йо даже смог позволить себе отдельную комнату, хотя содержание семьи по-прежнему лежало на нем.

Иногда ему казалось, что, расставшись с прежней жизнью, он как будто потерял часть себя. Но здесь, в мрачных трущобах, где прошло его детство, каждая мелочь напоминала о том, кем он был на самом деле. «Никого ты не обманешь, здесь ты родился – здесь тебе самое место», – казалось, шептали стены.

Он посмотрел на зеленую пену, которая образовалась на лужице мочи, растекшейся в нескольких шагах от него. В последний раз выглянул из заднего двора в переулок и решил подождать еще немного – ровно столько, сколько понадобится на то, чтобы выкурить сигарету.

Если никто так и не появится, он уйдет. Хранение само по себе не преследовалось законом, но вот торговля без специального разрешения...

Дело было более чем ненадежным, всегда могли возникнуть непредвиденные обстоятельства. Покупателей могли выследить.

Йо уже дважды ловили во время передачи товара, но Олькерт оба раза его вызволял. В последний раз на это ушло чуть больше времени, и Йо уже решил, что там он и сдохнет, в темной тюремной камере. Он был к этому близок как никогда, но все же хранил упорное молчание во время бесчисленных допросов. Каждый раз, едва не теряя сознание от очередного удара ногой в живот, он вспоминал о братьях и сестрах. Если его посадят, все они окажутся на улице. Но в какой-то момент дверь камеры открылась, и его выбросили наружу – скорее мертвым, чем живым. Поэтому хотя Йо и верил, что Олькерту под силу вытащить его из практически любой передраги, ему не хотелось снова испытывать судьбу. Если в ближайшее время никто так и не объявится, он уйдет.

В этот момент крыса вдруг зашипела, и Йо вздрогнул. Он хотел было пнуть ее, но зверек, как будто что-то почуяв, вдруг подпрыгнул и в мгновение ока скрылся за углом дома. Удивленный, Йо двинулся за ним, зажав сигарету в уголке рта. Когда он повернул за угол, перед ним разыгралась сцена, которую он видел в гавани сотни раз. Крыса, то пропадая из виду, то вновь появляясь между бочками и в беспорядке наваленными стальными брусками, мчалась к краю пирса – да так быстро, как будто за ней гнался сам дьявол. Казалось, она вот-вот бросится прямо в воду, но вместо этого зверек с удивительной ловкостью запрыгнул на гигантский узел, повязанный на конце корабельного каната. Йо вздрогнул, увидев сине-белый флаг судоходной компании. Это была «Офелия», главный корабль Карстенов. «Дурное предзнаменование», – решил Йо, невольно вспомнив утреннее происшествие с Паулем.

Крыса какое-то время так и сидела на узле, каждую секунду рискуя сорваться в воду. Но затем встрепенулась и стала карабкаться вверх. «Силы воли им не занимать», – подумал Йо, окидывая взглядом гавань. Флагштоки парусных судов, сплетавшиеся в высоте причудливой сетью, почти полностью скрывали небо, отчего и днем здесь царил полумрак. Паровые краны, грозно гудя, делали свою работу. Портовые грузчики и складские рабочие, трудившиеся здесь день и ночь, загружали и разгружали суда. Каждый день в Гамбург прибывали товары со всего света: сахар, шесть, табак, разные машины и механизмы, кофе и чай. Уровень шума зашкаливал, к тому же в порту стояла невообразимая вонь, но Йо почти не замечал этого. Здесь был его дом.

Он помедлил мгновение, затем поднял камень, отвалившийся от стены, и, зажмурив один глаз, прицелился. Камень пролетел в нескольких сантиметрах от крысы и плюхнулся в воду, подняв фонтан мутных брызг. Йо хотел было попробовать снова, но прежде чем он успел замахнуться, крыса добралась до леера и скрылась на борту. Какое-то время он смотрел ей вслед, затем кинул камень в воду. Тут он вспомнил о том, зачем пришел, и поспешил вернуться на место встречи. Когда он нырнул обратно в грязный переулок, казалось, поглощавший весь солнечный свет, проскользнул на задний двор и прислонился спиной к стене, он сразу понял, что что-то пошло не так.

Было уже слишком поздно. Они не придут.

Сделка сорвалась.

* * *

Зильта Карстен стояла у письменного стола, заглядывая мужу через плечо. Здесь, в его кабинете, она всякий раз испытывала странное ощущение неуместности. Ей нравился запах бумаги и старой кожи, исходящий от книг на полках. И все-таки она чувствовала себя не в

своей тарелке. Это был мужской кабинет, комната, где принимались важные решения и обсуждались вопросы, в которых она ничего не смыслила.

В браке они с Альфредом были на равных. Хотя последнее слово всегда оставалось за ним, он предоставил жене полную свободу действий в ее домашних и общественных занятиях. Детей они воспитывали сообща, советуясь по всем вопросам, что вовсе не было в те времена чем-то само собой разумеющимся. Рядом с мужем Зильта чувствовала себя нужной и была благодарна ему за это, как и за то, что Альфред всегда был готов ее выслушать. Но в стенах его кабинета у нее не было никакой власти, на что, казалось, намекали даже предметы обстановки. Здесь все осталось таким, каким было при тесте – прежде это был его кабинет. Тяжелая дубовая мебель хранила память о многолетней работе династии Карстенов.

– Почерк у тебя совсем как у твоего отца, вплоть до последней завитушки, тебе это известно? – спросила она.

Альфред продолжил писать, но по легкому движению его бороды Зильта поняла, что муж улыбается. Закончив предложение, он отложил ручку и откинулся назад, так что его голова оказалась на ее груди.

– Правда?

Она поцеловала его в щеку и обняла, одной рукой слегка опираясь на его плечо.

– Впрочем, ты так похож на него во всем остальном, что это не должно никого удивлять.

– Чего нельзя сказать о наших детях, не так ли? – вздохнул он, и Зильта грустно кивнула.

– Сегодня Лили сумела всех озадачить. До сих пор в голове не укладывается! О чем она только думала?

Муж с серьезным видом покачал головой:

– Она поставила под угрозу репутацию семьи!

– Справедливости ради – это не только ее вина, – заметила супруга. – Франц уехал без нее и...

– У Франца не было выбора. Он мне все рассказал: Лили даже не удосужилась одеться к тому моменту, когда им пора было ехать! Вдобавок он не знал, что Сильвер хромает и она не сможет взять коляску. Но прости, дорогая, я тебя перебил. – Заметив, что Зильта смотрит на него с укором, он жестом велел ей продолжать.

– Я лишь хочу сказать, что нужно учитывать все обстоятельства. Лили сделала это не нарочно, ты же знаешь. Она не хотела никому причинить вреда, просто иногда...

– Она совсем не думает о последствиях своих поступков. А ведь она уже не ребенок, боже мой, она помолвлена! Барышня, а ведет себя, как строптивый гимназист.

Зильта кивнула. Ей больше нечего было сказать в защиту Лили.

– Я тоже не знаю, что на нее нашло, – тихо проговорила она.

Ее раздирали противоречивые чувства. С одной стороны, она и сама была возмущена поведением дочери. Увидев, что Лили приехала на велосипеде, она едва не лишилась чувств от ужаса. Но вместе с тем Зильта хотела защитить дочь от отцовского гнева, который в любой момент грозил прорваться наружу. К тому же – для того, чтобы признаться себе в этом, ей потребовалось некоторое усилие – Зильта восхищалась бесстрашием Лили, которого так не хватало ей самой. Она никогда не осмелилась бы на что-то подобное – все ее бунты начинались и заканчивались у нее в голове. Тогда как Лили...

Зильта не говорила об этом с Альфредом, но ей было беспокойно. Она чувствовала, что мир стоит на пороге больших перемен. Движение социалистов набирало силу, и в ткани общественного устройства появлялось все больше мелких прорех. В Гамбурге пока было тихо, но из Парижа и Лондона приходили тревожные вести, а на улицах города порой можно было увидеть немыслимые прежде картины. Женщины выступали с демонстрациями, выдвигали требования к правительству. В Англии и Швейцарии им уже разрешили учиться в университетах, и голоса, которые хотели добиться того же здесь, раздавались все громче. Зильта знала, что если

Лили продолжит в том же духе, ей не избежать неприятностей. Дочь выросла умной и любознательной, но как раз для таких современный мир с его соблазнами представлял наибольшую опасность. Зильта именно этого и боялась. Однако, к счастью, был еще Генри. Он станет ей хорошим мужем, лучшего нельзя было и представить – человек по-хорошему старомодный, спокойный и справедливый, открытый к новому и твердый, когда это необходимо. Генри позаботится о том, чтобы после свадьбы Лили оставила свои занятия, даже если этого не потребует закон. Но вместе с тем Зильта опасалась, что в браке дочь будет скучать. Тихонько вздохнув, она рассеянно поцеловала мужа в щеку. Надежда только на то, что вскоре у молодых появятся дети и Лили переключит на них все свое внимание.

Дочь отличалась от большинства женщин, рукоделие или уроки музыки оставляли ее равнодушной. Главным увлечением Лили с самого детства было чтение – книги и журналы она проглатывала десятками, ей никогда не надоедало слушать чужие истории и рассказывать что-то самой. Но не случайно многие были против того, чтобы женщины слишком много читали: книги пробуждали страсти и ожидания, которым не было места в жизни. Зильта знала это по собственному опыту, ведь именно от нее Михель и Лили унаследовали любовь к историям. Но она приняла свою судьбу и осознала, что мечты останутся лишь мечтами. А вот девушку вроде Лили, живущую в стремительно меняющемся мире, страсти и несбыточные надежды могут погубить.

* * *

Итак, настал ее черед. В этот раз ей пришлось ждать довольно долго. Отец считал, что детей не следует наказывать сразу – у них должно быть время подумать над своим поведением. Порой он заставлял их часами томиться от страха перед грядущей экзекуцией, рисуя в своем воображении картины одну страшнее другой. Но в этот раз Лили с удивлением обнаружила, что ей почти все равно. После происшествия в гавани все казалось таким ничтожным. Человек серьезно пострадал, не станут же родители отчитывать ее за шляпу и велосипед. Отец наверняка думает так же, решила она, и, окрыленная этой мыслью, сбежала вниз по лестнице. Тем сильнее она была удивлена, обнаружив в кабинете обоих родителей.

– А, Лили! Входи.

Стоило ей появиться на пороге, как между бровями отца пролегла суровая складка. Лили закрыла за собой дверь и подошла к столу. От былой ее беспечности не осталось и следа.

– Вы хотели со мной поговорить? – спросила она, переводя взгляд со строгого лица Альфреда на обеспокоенное, но не менее серьезное лицо Зильты.

– Совершенно верно. Догадываешься, о чем пойдет речь?

Она кивнула, мысленно простившись с надеждой, что в этот раз все как-нибудь обойдется.

– Мы с матерью очень разочарованы твоим поведением, – начал отец. – И это еще очень мягко сказано, потому что мы просто потрясены! И не только мы. Твоя бабушка места себе не находит от волнения! Когда она обо всем узнала, ей пришлось принять успокоительное и немедленно отправиться в кровать.

Ага, вот откуда ветер дует, это все бабушка с ее склонностью сгущать краски. Наверняка ведь успела настроить отца против нее. Должны быть, старая Герда Линдман заехала к ним на обратном пути и обо всем рассказала своей лучшей подруге. Лили не понимала, как эти женщины ладили между собой. Ее бабушка была полной противоположностью более молодой, открытой и легкой в общении Герде, которая ничего не принимала близко к сердцу и умела наслаждаться жизнью во всей ее полноте. Китти Карстен, в свою очередь, как большинство людей ее поколения, цеплялась за общественные устои, как за спасательный круг, без которого

их всех ждала бы неминуемая гибель. Хотя с годами она немного смягчилась и к тому же почти не покидала своих покоев из-за боли в суставах, Лили боялась ее даже больше, чем отца.

– Сегодня ты поставила под угрозу наше доброе имя! – Альфред выглядел очень серьезным. – Разве я не внушал тебе с самого детства, что...

Лили вздохнула и послушно повторила слова, слышанные от него сотни раз:

– Доброе имя важнее всего. Если испорчена репутация семьи, страдает репутация фирмы, а если с фирмой что-то случится, то...

Альфред Карстен гневно стукнул ладонью по столу, и дочь подпрыгнула на месте от неожиданности.

– Я запрещаю разговаривать со мной таким тоном! – прогремел он. – Для тебя это все шуточки?

– Нет, конечно же нет, но... – начала было девушка, но он не дал ей продолжить.

– Мне кажется, ты заскучала. А может, я действую тебе на нервы? Или твоя мать? – Он вошел в раж. Лили покосилась на Зильту, но та лишь неловко развела руками.

– Я не просто так столько лет твержу тебе об этом, Лили! – он вскочил и в возбуждении заметался по комнате. – Если репутации фирмы будет нанесен урон, то пострадаем мы все! У нас ничего нет, кроме судоходной компании! Ничего, понимаешь? Ни титула, ни громкого имени, ни богатых родственников, которые могли бы поддержать нас в трудную минуту. Для чего я, по-твоему, всю жизнь работаю с утра до вечера, как работали до меня твой дед и прадед, чтобы ты выставляла нашу семью на посмешище?

Он широким жестом обвел комнату и перешел на крик:

– Тебе не нравится дом, в котором ты живешь? Твоя комната, твои платья? Эта отвратительная новая шляпа? Как ты думаешь, откуда все это берется? С доходов компании! А что, по-твоему, держит компанию на плаву?

Он не стал дожидаться ответа, а Лили, в свою очередь, и не думала прерывать его. Она молчала, опустив глаза.

– Наше доброе имя! Незапятнанное имя. Имя, которого не коснулись скандалы, – прогремел отец. – Таким оно, черт возьми, должно и впредь оставаться! Думаешь, почему мы вынуждены так носиться с твоим младшим братом?

Теперь он говорил более спокойно, но в голосе слышалась глубокая горечь.

– Потому что общество не прощает оплошностей. Потому что есть поступки, которых не следует совершать. Ты уже должна была это понять. А если что-то недопустимое все же происходит, то оно должно оставаться внутри семьи. Ничего не должно просочиться наружу.

Лили вздрогнула, когда отец заговорил о Михеле. У нее застучало в ушах. Девушка вовсе не хотела его сюда впутывать.

– Сейчас речь не о Михеле, – вмешалась Зильта, и Лили заметила, как при звуке ее спокойного голоса плечи отца немного расслабились.

– Верно. – Он откашлялся и, тяжело дыша, опустился на стул. – В общем, мы с матерью не потерпим такого поведения. С сегодняшнего дня ты под домашним арестом. Это значит – никаких балов и приемов, никаких выездов с Генри и никаких прогулок с Михелем. А если летом ты еще хоть в чем-нибудь провинишься... – он подался вперед и посмотрел ей прямо в глаза, – ...достаточно будет любого пустяка, имей в виду. Так вот, в этом случае ты можешь забыть о своих курсах.

– Что? – Лили ахнула. – Ты не можешь так со мной поступить!

Отец лишь махнул рукой.

– Ты знаешь, что я всегда был не в восторге от этой затеи с университетом. Я согласился только потому, что твоя мать ее защищала. Зачем тебе образование, если ты все равно не сможешь работать, когда выйдешь замуж? В учителя идут незамужние женщины, лишённые поддержки семьи и каких-либо перспектив. У тебя и твоих подруг все это есть, и, поступая в уни-

верситет, вы просто отнимаете эту возможность у тех, кому она действительно нужна. Я знаю, что учение нынче в моде. Но факт остается фактом – вы ходите туда лишь для того, чтобы скоротать время. Пойми, если после всего, что сегодня произошло, Генри разорвет помолвку, – в чем, видит Бог, его нельзя будет винить! – ты останешься с нами. И если в один прекрасный день я внезапно умру – потому что ваше поведение кого угодно сведет в могилу! – о тебе позаботится Франц. Педагогические курсы – это каприз, который я позволяю тебе лишь потому, что ты моя дочь и я хочу, чтобы ты была счастлива. Но если ты снова меня разочаруешь, с учебой будет покончено раз и навсегда. Ты меня поняла?

Лили кивнула. Она почувствовала, что от обиды у нее начинает дрожать нижняя губа, и стиснула руки так, что ногти впились в ладони. Не хватало еще расплакаться здесь!

– Я сожалею о том, что сегодня произошло. Я не хотела навредить семье и сама не понимаю, как так вышло! – пристыженно выпалила девушка, и непрошенная слеза скатилась по ее щеке.

Отец кивнул, несколько смягчившись.

– Хорошо, я рад, что ты признаешь свою вину. Ты свободна. Марш в свою комнату!

Лили поспешила покинуть кабинет. В коридоре она неожиданно столкнулась с Каем, лакеем Франца, который стоял у двери, прислонившись к стене, и явно не ожидал, что она так стремительно оттуда выскочит.

– Фройляйн Лили... Пожалуйста, не сердитесь, – пролепетал он, но девушка лишь окинула его гневным взглядом и так быстро, как только могла, помчалась вверх по лестнице в свою комнату. Но не успела она захлопнуть за собой дверь, как позади раздался хриплый голос:

– Илли, ты там?

Вскрикнув, она обернулась и встретила вопросительный взгляд Михеля. Его миндалевидные глаза за толстыми стеклами очков так и горели любопытством.

– Михель, ты меня напугал! Я хотела почитать немного в тишине. Что ты здесь делаешь, ты разве не должен быть на занятиях?

Брат хмуро кивнул и вдруг выпалил:

– Беги!

А затем, радуясь своей проделке, засмеялся и хлопнул себя по ляжкам. Лили тоже не смогла удержаться от смеха и почувствовала себя немного лучше.

– Ты опять? Фройляйн Зёдерлунд скоро поседет от таких проделок!

От этого замечания Михель развеселился еще больше – он хохотал так, что начал задыхаться и рухнул на стул.

– Успокойся, тебе вредно так возбуждаться! – Лили опустилась рядом с ним на колени и, вытащив платок, который брат повсюду носил с собой в кармане курточки, вытерла ему подбородок, по которому стекала тоненькая струйка слюны.

Часто, сам того не замечая, Михель держал рот слегка приоткрытым. Его легкие не работали должным образом: на вдохе он хрипел, а от смеха порой и вовсе начинал задыхаться. С годами симптомы только усугубились. Хотя болезнь еще толком не изучили, Лили знала, что лекарства от нее нет. Мать следила за тем, чтобы Михель вел себя как можно тише. Но ему было всего шесть лет, и это вредило его развитию. К тому же нельзя просто взять и запретить ребенку играть. Особенно такому сорванцу, как Михель.

– Идем, ты можешь спрятаться в моей комнате, – прошептала она, и лицо мальчика прояснилось. Лили поцеловала его в лоб и потянула за собой.

* * *

Йо ехал на велосипеде вверх по Бельвю и, высматривая взглядом виллу Карстенов, невольно думал о девушке в белом платье. Неужели она действительно приехала в порт на этом

самом велосипеде? Через весь город, во всех своих оборках и ленточках? За такой поступок ею можно было только восхищаться. Даже сейчас он немного вспотел, а уж если вспомнить дневную жару... Прежде он никогда не видел дам на велосипеде, и в этом зрелище была своя прелесть. У Чарли глаза бы на лоб полезли, подумал он, предвкушая, как вечером расскажет обо всем лучшему другу за кружкой пива. Когда она вдруг выехала из-за угла, Йо сразу понял, что такое появление изначально не входило в ее намерения. А еще он понял, что по дороге она упала (возможно, не один раз). На лице девушки читалось такое изумление, когда она вдруг увидела толпу... Ничего смешнее и придумать было нельзя. Он почти слышал, как испуганно стучит ее сердце. На секунду он даже подумал, что сейчас она повернет и умчится прочь.

Йо издали наблюдал за церемонией и слышал речь Лили. Суэта вокруг корабля казалось ему смехотворной, вдобавок он не знал, кто такой Шекспир, но этот тип явно не стеснялся в выражениях, и это ему понравилось. Как и то, что девушка явно развеселилась, когда ей удалось смутить всех этих чопорных господ. Она не была хорошенькой, как другие барышни, но ее прямота сообщала ей неувимую притягательность. И разумеется, он не просто так взялся привезти ей велосипед. Приказ идиота фон Каппельна был здесь ни при чем. Он хотел поговорить с Альфредом Карстеном о несчастном случае.

Йо хорошо знал пострадавшего рабочего. Пауль Гердер был хорошим человеком, преданным и трудолюбивым. За все эти годы не нашлось ничего, в чем его можно было бы упрекнуть. А теперь он больше не в состоянии работать. У мужчины было трое детей и, как слышал Йо, его жена нуждалась в уходе после тяжелой болезни. Даже если Карстен готов был взять на себя медицинские расходы – ампутацию ноги ниже колена, как сообщили Йо в больнице Святого Георга, – кто позаботится обо всем остальном? Кто все эти годы будет кормить его детей?

Йо подозревал, что его затея безнадежна, но все же решил попробовать обратиться к Карстену, воззвать к его лучшим чувствам. Служащим до сих пор не выплачивалась компенсация за травмы, полученные на работе, – несмотря на все усилия профсоюзов и забастовки. Но здесь была иная ситуация: человек хотел оказать услугу дочери Карстена и остался калекой на всю жизнь. Даже если Пауль переживет ампутацию, его семья окажется на улице. Йо показалось, что девушка сознавала свою вину. Возможно, ей удастся повлиять на отца. Нужно хотя бы попробовать. Кроме него, за Пауля некому вступиться.

Он ехал вверх по мокрой от дождя дорожке, мимо цветущих кустов и величественных деревьев и запрещал себе восхищаться окружающим великолепием. Вилла Карстенов буквально кричала о процветании. Это был многоэтажный особняк прямо на берегу Альстера, напоминающий своими зубчатыми стенами, башенками и круговой подъездной дорожкой маленький замок. Тихое, спокойное место, располагающее к себе. Йо огляделся по сторонам. Свежескошенный газон, цветы, манящий запах кофе и вкусной еды. Здесь ему хотелось дышать полной грудью, чего он обычно избегал.

На фоне роз, оплетающих фасады, стояли статуи членов гильдии и смотрели на него сверху вниз. Видимо, они служили напоминанием о происхождении семьи из рабочего класса. Йо презрительно фыркнул и швырнул велосипед на влажную лужайку перед виллой. Таким происхождением гордились лишь те, кто чего-то добился. Богатые торговцы строили свое благосостояние на страданиях и труде простых рабочих, которые день за днем вкалывали до потери сознания, а потом умирали в нищете. Где здесь справедливость, где солидарность? – размышлял он, глядя на фасад дома.

Йо был сегодня на церемонии крещения корабля потому, что его хозяин уже давно не спускал глаз с семьи Карстенов. До сих пор Альфред Карстен наотрез отказывался строить свои корабли на верфи Олькерта, хотя та успела стать самой крупной в Гамбурге. Он демонстративно продолжал ездить во Фленсбург и Ливерпуль. Почему именно там, Йо не знал, но ему было приказано держать ухо востро и слушать, что говорят люди. Так что имя Карстена было ему хорошо известно. Но здесь он был впервые.

Он стоял в нерешительности посреди двора. Вдруг из открытого кухонного окна донесся тихий стук. Пока он размышлял, позвонить ли в парадную дверь или лучше все-таки в заднюю, как и подобало его положению, он увидел, как на одном из балкончиков промелькнуло что-то рыжее. Нахмурившись, он запрокинул голову и прикрыл глаза рукой. Из плюща вынырнуло лицо. Сверху на него смотрела та самая девушка, которую он видел утром. Когда их взгляды встретились, она вздрогнула. Йо усмехнулся. Она явно наблюдала за ним, и ответное внимание застало ее врасплох. Он помахал ей. Через мгновение послышался шорох, и что-то больно стукнуло его по плечу.

– Эй!

Он испуганно отскочил в сторону и потерял место удара. Затем наклонился и поднял книгу, которая только что чуть не убила его. Рисунок на обложке говорил сам за себя. Сентиментальная чушь. Он вновь усмехнулся. Так-так, подумал он, листая книгу, в которой то и дело попадались красноречивые иллюстрации. Кажется, ее жених не удовлетворял ее тайные желания. С улыбкой он потерял подбородок и перевернул страницу. В этот момент дверь распахнулась, и показалась служанка в черно-белой униформе.

– Йоханн Болтен? Герр Карстен готов вас принять! – сообщила она, не утруждая себя приветствием. Йо только удивленно кивнул. Она смотрела на него сверху вниз. Он уже стал кивался с этим: даже в пределах рабочего класса существовала иерархия, и, по мнению горничной, Йо находился в ней гораздо ниже, чем она.

– Идите через черный вход! – сказала она, как будто он плохо соображал, и указала куда-то вправо. Затем захлопнула дверь.

Йо нахмурился. Что Карстену от него нужно? Он двинулся в указанном направлении, но не успел пройти и двух шагов, как дверь вновь распахнулась. Рыжеволосая девушка сбежала вниз по ступенькам и остановилась перед ним, тяжело дыша. Ее щеки пылали.

– Вам не обязательно за мной бегать. Достаточно одного слова, и я к вашим услугам, – пошутил Йо и не смог удержаться от смеха, такое у нее стало испуганное лицо. Мгновение она смотрела на него широко распахнутыми глазами, и он увидел, что они у нее ярко-голубые.

– Я... попала в вас? – спросила девушка вместо ответа, так что он даже сперва не понял, о чем идет речь. Затем, проследив за направлением ее взгляда, вспомнил о книге, которую все еще держал в руках. Он протянул ее девушке.

– Успокойтесь, за это вашему отцу точно не придется платить компенсацию.

Она смущенно отвела глаза, и Йо разозлился на себя: он не привык иметь дело с барышнями, просто не умел с ними разговаривать. Наверное, теперь она думает, что он неотесанный болван.

– Я хотела с вами поговорить! – выпалила она.

– Правда? – он удивленно скрестил руки на груди. – О чем же?

В этот момент входная дверь снова распахнулась, и уже знакомая ему служанка выскочила наружу.

– Фройляйн Лили! – окликнула она девушку, и та испуганно обернулась. Вид у нее был такой, как будто ее поймали с поличным. Йо понял, что она, вероятно, нарушает все правила приличия, беседуя с ним наедине.

– Агнес, я просто хотела поблагодарить мистера Болтона. Он привез велосипед!

Однако Агнес несколько не смягчилась.

– Тогда скажите спасибо и возвращайтесь в дом! – строго сказала она и повернулась к Йо: – А вы что же, намереваетесь и дальше испытывать терпение нашего господина?

– Я уже иду! – ответил он и иронично поклонился, на что горничная только фыркнула. Было ясно, что он не сдвинется ни на миллиметр, пока девушка не уйдет.

– Благодарю вас, герр Болтон, за то, что вернули велосипед. С вашей стороны это было очень любезно, – сухо объявила она, и теперь ее голос звучал совсем иначе, чем за пару секунд до этого.

Йо кивнул.

Девушка вздохнула, помолчала и с досадой посмотрела на свою дуэнью. Ему показалось, что она хотела сказать ему что-то еще, но вместо этого она вдруг молча протянула ему руку. Йо еще не доводилось обмениваться рукопожатием с дамой. Потрясенный, он какое-то время просто смотрел на маленькую узкую руку, а затем осторожно ее пожал. Девушка вздрогнула, ощутив его прикосновение, и Йо вспомнил, что во время инцидента в порту она упала и поранила ладони.

Лили Карстен напоследок одарила его робкой улыбкой, повернулась и двинулась к двери. Когда она поднималась по ступенькам, служанка с возмущенным видом схватила ее за руку и что-то прошипела ей на ухо. Девушка вырвалась, так же тихо, но твердо ей возразила, и обе они исчезли за дверью.

Десять минут спустя Йо выскочил из кабинета и, захлопнув за собой тяжелую дубовую дверь, поспешил покинуть виллу Карстенов. «Грязный сукин сын, вообразил о себе невесть что!» – думал он, борясь с желанием пнуть одну из стоявших в холле великолепных ваз с павлиньими перьями. «Для чего им вообще эта ерунда? Перья в вазе! Уж и не знают, на что потратить свои чертовы деньги», – негодовал он мысленно.

В кабинете Йо встретил не Альфред Карстен, а его старший сын. Не снизойдя до приветствия, Франц без всяких околичностей протянул гостю лист бумаги.

– В качестве меры предосторожности. Вы должны меня понять, – сказал он с натянутой улыбкой, даже не предложив Йо сесть.

Документ застал Йо врасплох – читал он плохо. Ему понадобилась целая вечность, чтобы разобраться, о чем идет речь, и все это время Карстен, мало-помалу теряя терпение, барабанил пальцами по столу. Документ был написан сухим казенным языком, доставившим Йо немало хлопот, и явно не без участия юриста, но главную мысль он уловил: Карстены хотели снять с себя всю ответственность за случившееся. И он, Йо, нужен был им как свидетель. Они хотели, чтобы он солгал ради них. Чтобы он предал Пауля.

Его охватила холодная ярость. В таком состоянии ему было трудно себя контролировать, но сейчас слишком многое было поставлено на карту, и Йо это понимал. Он глубоко вздохнул, в упор посмотрел на Карстена и холодно поинтересовался:

– Я-то что получу с этого?

Он хотел осторожно прощупать, как далеко они готовы зайти в этом деле и не прячут ли туза в рукаве. Его собеседник удивленно поднял брови.

– Признательность семьи Карстенов, что же еще? – насмешливо ответил Франц. – Или вы хотите денег за простой росчерк пера?

На мгновение их взгляды скрестились, как шпаги в поединке не на жизнь, а на смерть. Затем Йо молча оттолкнул от себя бумагу.

Выдержав паузу, Франц Карстен кивнул. На его губах играла улыбка, значения которой Йо не понимал. Он повернулся и уже собирался взяться за ручку двери, когда внезапно услышал:

– А известно ли вам, какой срок дают за нападение?

Вопрос прозвучал так небрежно, как будто Карстену действительно нужна была справка. Но Йо сразу понял, к чему он ведет. У него неприятно закололо в затылке.

На мгновение он сжал руки в кулаки, призывая себя к порядку. Он рассудил, что, если будет действовать опрометчиво, точно окажется за решеткой, и медленно обернулся.

Франц улыбнулся еще шире, но дружеской эта улыбка не была.

– На глазах у всех вы толкнули мою сестру. У нее все руки в ссадинах и порвано платье, – продолжал он все тем же небрежным, почти благожелательным тоном, каким обычно рассуждают о погоде. – Думаю, излишне говорить вам, какое огорчение это доставило семье.

Он посмотрел в окно и заговорил, будто рассуждая сам с собой:

– Напасть на молодую девушку... – Он покачал головой и осуждающе цокнул языком. – Но наша Лили – сущий ангел, она любезно согласилась не выдвигать обвинений. Взамен на ваше... сотрудничество!

Покалывание в затылке Йо усилилось. Он стиснул зубы так, что на скулах заходили ходун-ном желваки. Не было смысла защищаться или пытаться объяснить ситуацию, он это понимал. Насколько он помнил, молодого Карстена не было на месте происшествия. Видимо, ему рассказал обо всем фон Каппельн. Или сама Лили. Он вдруг вспомнил, как она пыталась поговорить с ним о чем-то за несколько минут до этого. Тоже, поди, надеялась убедить его подписать эту бумажку. Там, в порту, он в самом деле толкнул ее. Но он сделал это не специально, каждая секунда была на счету. Жаль только, что его никто не слушает. Если они не найдут свидетелей, то все равно добьются своего подкупом. Или шантажом, как вот сейчас делал Франц. Йо знал, как устроен мир в глазах беспринципных людей. И что человек, сидевший напротив, был как раз из таких, и едва ли не худшим из них.

На мгновение в комнате воцарилась полная тишина. Франц все еще мечтательно смотрел в окно, как будто мыслями он был в совершенно другом месте. Его длинные пальцы поигрывали пером.

Йо глубоко вздохнул. Затем наклонился над столом, подтянул к себе лист бумаги и, вырвав у Франца перо, поставил внизу свое имя. Чувство было паршивое – будто он предал не Пауля, а себя самого.

Через пару секунд Йо вылетел за дверь и наконец дал волю гневу. Он даже не видел, куда идет, и хотел только одного – как можно скорее убраться отсюда, пока он что-нибудь не сломал. Он ненавидел власть, принадлежавшую людям с деньгами. Ненавидел, что они могут попираť закон, подгоняя мир под себя. Все они одинаковые, сколько раз он уже...

– Эй! – вдруг послышалось где-то позади него.

Он обернулся. Кто это сказал? В холле было пусто. Он стоял, тяжело дыша и оглядываясь по сторонам.

– Эй, я здесь!

Внезапно в дверном проеме неподалеку от него показалась голова Лили. Нервно оглядываясь по сторонам, девушка делала ему знаки.

Йо нахмурил лоб, все еще стоя как вкопанный. Это она ему?

– Быстрее! – нетерпеливо шепнула она и снова махнула ему рукой.

Машинально Йо двинулся навстречу, но на пороге запнулся и окинул комнату удивленным взглядом.

– Это...

– Гардеробная. Я знаю. – Она виновато улыбнулась. – Здесь хранится зимняя одежда, в это время года никому и в голову не придет сюда заглянуть!

Брови Йо поползли вверх. Эта комната без окон была размером с его квартиру.

– А зачем, собственно, вам понадобилось заманивать меня в гардеробную? – удивленно прошептал он, на мгновение забыв о своем гневе.

Прежде чем ответить, она еще раз выглянула в холл и, убедившись, что поблизости никого нет, закрыла дверь.

– Здесь слоняется лакей моего брата, – пояснила она. – У Кая острый слух.

Теперь она смотрела ему прямо в глаза.

– Я хотела с вами поговорить.

Йо кивнул.

– Итак? – спросил он нетерпеливо. По мере того, как его одолевали воспоминания о пережитом только что унижении, настроение все сильнее омрачалось.

– Если речь идет о том, что произошло утром, то можете быть спокойны. Я все подписал, – буркнул он.

– Подписали? – Она удивленно моргнула.

– Очень благородно с вашей стороны не выдвигать обвинения. Но позвольте задать вам один вопрос. Что бы вы делали, если бы я не пришел тогда на помощь? Стояли бы и смотрели, как он умирает там, внизу? До моего прихода никто и пальцем не пошевелил, чтобы помочь. А теперь вы хотите упрятать меня за решетку? Мне пришлось действовать быстро. Счет шел на секунды – я уверен, даже вы это понимаете. – С каждым словом он злился все сильнее.

Девушка смотрела на него в безмолвном изумлении, отпрянув к стене, когда он, распалившись, едва не ткнул в нее указательным пальцем.

– Я понятия не имею, о чем идет речь! – вырвалось у нее. – Немедленно сделайте шаг назад, или я закричу!

Он увидел в ее глазах страх и почувствовал себя отвратительно.

– Простите. – Он отодвинулся от нее и беспомощно уронил руки. – Я не хотел вас напугать.

Только сейчас он осознал всю опасность своего положения. Если его застанут здесь с этой девушкой и ей вздумается обвинить его в чем-то еще, все может закончиться для него очень, очень плохо. Он отвернулся от нее и схватился за ручку двери.

– Подождите!

Лили Карстен протиснулась мимо него и снова закрыла дверь, навалившись на нее спиной. На мгновение они оказались так близко друг к другу, что он ощутил тепло ее кожи и тонкий аромат духов. Казалось, она испугалась самой себя – несколько секунд она смотрела на него почти с ужасом. В полумраке комнаты ее глаза казались темнее. Он видел даже, как дернулось ее горло, когда она почти незаметно сглотнула. Затем она быстро отступила в сторону.

– Что именно вы подписали? – спросила она, нахмурившись.

Йо смотрел на нее во все глаза. Неужели она и в самом деле понятия не имела о том, что происходило в кабинете?

– Свидетельские показания, что Пауль Гердер сам виноват в том, что произошло, и ваша семья ничего ему не должна. Меня заставил ваш любезный братец.

В ее глазах читалось искреннее изумление.

– Но это неправда! – прошептала она в ужасе. – Все произошло по моей вине, и Франц это знает! Я так ему и сказала!

– Возможно. Но я прилюдно толкнул вас. Меня могут за это посадить. Мне не оставалось ничего другого, кроме как подписать этот лживый документ, – сердито ответил он.

– Поверить не могу! – пробормотала она. – Франц просто несносен! Я ни за что не стала бы в чем-то вас обвинять. Вы были единственным, кто делал хоть что-то. Вы спасли того человека. И вдобавок привезли велосипед...

– Я сделал это только потому, что хотел поговорить с вашим отцом, – поспешно перебил девушку Йо. Не хватало еще, чтобы она воображала, что он сделал это ради нее.

Она удивленно замерла.

– О чем?

– Думал попросить его позаботиться о семье Пауля. – Он горько рассмеялся.

– Я заходил сегодня в больницу, у него отняли ногу. И... – Она в ужасе прикрыла рот рукой, но Йо оставил этот жест без внимания, – ...Он никогда больше не сможет ходить. И это даже нельзя считать травмой, полученной на работе – он взялся оказать вам услугу. У него дети. Я хотел попросить вашего отца назначить для них пособие. Но теперь я знаю, что это – все равно что ждать чуда. Карстены не привыкли брать на себя ответственность.

Девушка посмотрела на него, будто решаясь на что-то.

– А я возьму, – сказала она тихо, и Йо в изумлении замер. – Мой отец не такой, как Франц. У него доброе сердце. Может быть, если я поговорю с ним, он...

– Я уже поставил свою подпись. Он не дурак, чтобы не воспользоваться такой удачей. Если он признает долю вашей вины в этом инциденте, ему придется содержать семью из пяти человек в ближайшие пару десятилетий. Зачем ему добровольно брать на себя такую ношу? Вы только подставите нас обоих, если скажете ему, что разговаривали со мной, – перебил ее Йо. После разговора с Францем он больше не питал никаких иллюзий. Глупо было с его стороны приходить сюда. Чего он вообще ждал – что старший Карстен вытащит кошелек и станет сорить деньгами направо и налево?

– Я все же попробую! – настаивала девушка. – Но не волнуйтесь, вас я не стану упоминать. Так до конца и не освободившись от обуревавшего его гнева, Йо только пожал плечами.

– Попробуйте. Может быть, вам удастся на что-то повлиять. У меня больше нет такой возможности, ваш брат об этом позаботился, – сухо ответил он.

А затем, вдруг вспомнив, что он не просто так оказался наедине с этой девушкой в гардеробной, спросил:

– Но вы еще прежде хотели о чем-то со мной поговорить?

– Я... – Она вновь покраснела. – Именно об этом. Я чувствовала себя очень виноватой, и я хотела попросить вас... – Она протянула ему маленький мешочек. – Не могли бы вы передать это пострадавшему? Здесь немного, но у меня нет своих денег, и я подумала...

Она замолчала, неуверенно глядя на него. Он внезапно ощутил, как в груди разливается странное чувство спокойствия. В доверчивости, с которой она стояла перед ним, протягивая свой кошелек, было что-то трогательное и детское.

– Вы хотите отдать мне свои карманные деньги? – спросил он с искренним изумлением, но Лили уловила в его голосе смешливые нотки, и ее глаза потемнели от гнева.

– Никакие это не карманные деньги, я уже не ребенок! – возмутилась она.

Он невольно усмехнулся.

– И что же это за деньги?

Она запнулась.

– Это мои...

– Карманные деньги! – не удержался он, и она сердито топнула ногой.

– Какая вам разница, что это за деньги? Возьметесь вы их передать?

Он взял у нее мешочек и заглянул внутрь, а затем со смехом вернул его обратно.

– Это просто очаровательно с вашей стороны, – сказал он с презрением. – Но ему вы так не поможете. Этих денег семье хватит недели на две. Лучше оставьте их себе, будет на что купить очередной сопливый романчик.

Она залилась таким ярким румянцем, что лицо и волосы сделались едва ли не одного цвета. Йо стало почти жаль ее. Он подумал, что не надо было так ее огорчать, ведь, в конце концов, намерения у нее были добрыми.

– Послушайте, мне нужно идти. Вы, должно быть, этого не сознаете, но запирать меня здесь было очень рискованно. Одного этого было бы достаточно, чтобы упрятать меня за решетку. Из-за своего легкомыслия вы уже натворили сегодня дел, не находите? – Он снова взялся за ручку двери, решив убраться отсюда как можно скорее.

– Я могу собрать еще денег!

Йо медленно обернулся.

Она смотрела на него почти умоляюще.

– Пожалуйста, я хочу помочь. Денег будет больше, обещаю, мне только нужно немного времени.

Йо остановился в нерешительности. Конечно, разумнее было уйти, оставив ее наедине с угрызениями совести и заняться своими проблемами. Но какая от этого польза Паулю? Он только что предал друга самым подлым образом, разве не должен он сделать все, что в его силах, чтобы хоть немного исправить положение?

В конце концов, он кивнул, сознавая, что впутывается во что-то, о чем потом пожалеет. Пусть так.

– И сколько же времени вам нужно? – спросил он, а она, казалось, обрадовалась, что он не отклонил ее просьбу.

– Не знаю. Неделя, может быть?

Он снова кивнул.

– Хорошо. И где состоится передача?

Она удивленно моргнула.

– Об этом я не подумал...

– Мне больше нельзя здесь появляться. Встретимся в городе. На вокзале, под большими часами. В следующую среду, в шесть вечера. Сможете?

Она кивнула, затаив дыхание.

– Думаю, да.

– Отлично! Только приходите одна.

– Ох, мне ведь нельзя! – вдруг воскликнула она. – Я под домашним...

Она испуганно замолчала, хлопнув себя ладонью по губам. Затем робко подняла на него глаза.

Йо оторопел.

– Под домашним... арестом? – Его распирал смех.

– Тсс! – рассердилась она. – Нет, конечно. Но нельзя же девушке одной слоняться вечером по вокзалу. Что бы вы ни думали, я забочусь о своей репутации!

– Что-то не похоже, – ответил Йо, все еще смеясь. – Добропорядочные женщины не заманивают в гардероб незнакомцев. А за что вас наказали? Должно быть, за номер с велосипедом?

Она уставилась на него, не отвечая.

– Ладно, – сжалился Йо. – Можете не рассказывать. Но вы должны что-то придумать, если действительно хотите помочь! Вам даже не обязательно являться туда самой. Не знаю, отправьте посыльного. В шесть на вокзале, не забудьте же.

Он заколебался на мгновение, затем протянул руку за кошельком.

– Лучше, чем ничего! – нахально сказал он. Лили кивнула, застигнутая врасплох, и молча передала ему деньги.

Он хотел уже открыть дверь, но внезапно остановился.

– Если я сейчас выйду и кто-то увидит меня с вашим кошельком в руках... – начал он.

– ...то я, конечно, объясню ситуацию и возьму на себя ответственность! – твердо сказала она и выдержала его испытующий взгляд.

Йо не знал почему, но он доверял собеседнице. Он кивнул. Потом приоткрыл дверь и осторожно выглянул наружу.

В следующее мгновение он уже мчался через холл, мечтая лишь о том, как бы поскорее убраться из этого дома. Но внезапно он увидел перед собой мальчика и остановился как вкопанный. Мальчик стоял на коленях и сосредоточенно возил по полу игрушечный поезд. Он был одет в матросский костюмчик, а волосы отливали огненной рыжиной, точь-в-точь как у Лили Карстен. Заметив Йо, он поднял голову и испуганно вытаращил глаза.

Йо вздохнул. От взгляда ребенка по спине прошел озноб. Что-то не в порядке с этим мальчишкой, – подумалось ему.

Они молча смотрели друг на друга. На мгновение в доме стало так тихо, что Йо слышал тихое, с присвистом, дыхание ребенка.

– Вет, – неожиданно сказал последний хриплым голосом. Он скривил губы, и Йо понял, что мальчик улыбается.

Йо быстро оглянулся через плечо. Лили не было видно.

– Привет, – нерешительно ответил он, а затем они оба вздрогнули, когда прямо над ними раздался пронзительный голос:

– Где ты опять прячешься? Ты же знаешь, у нас скоро занятие!

Мальчик моргнул, мгновенно вскочил на ноги и, схватив поезд, убежал.

Йо постоял немного, глядя ему вслед. Затем тихо, как вор, улизнул из дома.

Ну и денек выдался, подумал он, покидая виллу. Страннее некуда.

Глава 3

Людвиг Олькерт взглянул на себя в зеркало, удовлетворенно пригладил бородку и страхнул ворсинки с рукава приталенного сюртука. В тот же миг к нему подскочил слуга с небольшой щеткой и провел ею по ткани.

– Все в порядке, Грегор. И так хорошо, – отстранился господин.

Слуга кивнул, не изменившись в лице, и вручил ему на подносе цилиндр цвета бычьей крови. Этот экстравагантный головной убор Олькерту недавно привезли из Франции. Он подходил к манжетам нового пальто и к клетчатым брюкам – и то, и другое пришлось заказывать в срочном порядке, чтобы завершить ансамбль. Заодно он приобрел на осень подходящее пальто на меху. Олькерт носил только одежду, сшитую на заказ, о готовом платье не могло идти и речи. «Если хочешь чего-то добиться, нужно сначала привести в порядок внешний вид», – всегда твердил он. Ему не нравилось новое веяние, вынуждавшее джентльменов одеваться так, чтобы не затмевать дам, наряды которых, напротив, становились все пышнее. Сегодня пришло время ганзейским купцам хвастаться перед женами своим богатством, и он не находил в этом ничего предосудительного. Еве и их дочери, Розвите, он покупал все самое лучшее – хотя это едва ли делало их красивее, – так почему же сам он должен в чем-то им уступать? Олькерт рассуждал в этих вопросах совсем как француз: чем дороже и элегантнее, тем лучше.

По его указанию, Грегор – специально подобранной ярко-красной булавкой, которая сразу бросалась в глаза на зеленой ткани костюма – аккуратно заколол на нем шейный платок. Олькерту нравилось выделяться, даже если в этом не было необходимости. Куда бы он ни направился, прохожие так и оборачивались ему вслед. Здесь, в Гамбурге, его знали все. И не только потому, что он, со своей золотой гривой, модными длинными бакенбардами и козлиной бородкой, выглядел как-то по-особенному. Все знали, что именно он сыграл ключевую роль в промышленном процветании Гамбурга. Самим своим обликом город был обязан почти исключительно Людвигу Олькерту. И он еще не собирался отойти от дел. О, нет. У него были на этот город большие планы. С тех пор, как он открыл первое конторское здание в Гамбурге, он больше, чем когда-либо, чувствовал себя отцом-основателем новой метрополии. Это было его главное предприятие с тех пор, как он оставил торговлю гуано, то есть чрезвычайно выгодным и пользующимся большим спросом в сельском хозяйстве пометом птиц. Контора Олькерта стала самым новаторским сооружением во всей империи. Электрическое освещение, паровой обогрев, особые лифты, именуемые «патерностер», – и все это прямо у входа в строившийся тогда район Шпайхерштадт, в самом сердце Гамбурга, между Эльбой и деловым центром города. Он потому и вошел в такие расходы, – а проект стоил ему более миллиона марок, – чтобы здание возвышалось именно здесь. Чтобы все понимали, кто в этом городе правит торговлей. Таким образом он выгодно и, главное, безопасно вложил большую часть своего капитала, обеспечив на долгие годы и себя, и своих потомков.

Хотя он притворялся, что взгляды прохожих ничего для него не значат, на самом деле он скрупулезно отмечал каждый из них. Они служили ему ежедневным напоминанием о том, сколь многого он достиг. Он владел банком, газетой, верфью; ему пожаловали дворянство; у него был роскошный дворец, – и вот уже несколько лет большую часть времени и все свое хитроумие он посвящал управлению опиумной торговлей в крупнейшем порту империи. И хотя о последней знали очень немногие, даже самые богатые из богатых и самые важные из важных признавали его за своего. Его, Людвига, сына садовника из Зюдерпарка, семья которого жила когда-то в доме с соломенной крышей и едва сводила концы с концами на 600 талеров в год.

В дверь постучали, новая служанка принесла чай. Она слегка дрожала, отчего посуда на подносе позвякивала, и не смела поднять на него глаз. Все они так в первое время. Если

бы девчонка знала, что он сделал с ее предшественницей, задрожала бы еще сильнее. Но это был его маленький секрет. Он позаботился о том, чтобы ничего не вышло наружу. Так что новенькую, по всей видимости, напугали рассказы слуг. Весь день, должно быть, судачили о нем на кухне. Вот и хорошо, от запуганных слуг больше пользы.

Служанка поставила поднос на столик в стиле бидермейер и, сделав реверанс, вышла из комнаты. Эта тоже весьма недурна, подумал он, невинное лицо в форме сердечка, округлые бедра. Он успел рассмотреть ее в отражении, пока она не закрыла за собой дверь. Жаль – после того, что случилось с предыдущей, придется быть осторожным.

Олькерт решительно снял цилиндр и расстегнул сюртук. На самом деле он собирался прогуляться по Юнгфернштигу, раз уж одет как на выход – выпить кофе, почитать газету конкуренентов. Свою собственную, «Гамбургское обозрение», он успел изучить после обеда и уже телеграфировал свои замечания в берлинскую редакцию. Но вот принесли чай, и он решил, что хорошо бы сперва сделать пару глоточков.

По его кивку Грегор принялся споласкивать кружку горячей водой, но нечаянно задел локтем сахарницу. Она упала и разбилась, содержимое рассыпалось снежными хлопьями.

– О, я... Прошу прощения! – пробормотал слуга.

Олькерт замер, его рот сжался в тонкую линию.

– Оставь меня, – тихо сказал он. – Позже уберешь.

– Будет сделано. – Грегор кивнул, все еще красный от стыда, и поспешно вышел из комнаты.

Олькерт проводил его взглядом, а затем медленно опустил глаза. На мгновение он увидел перед собой другую сахарницу – ту, что катилась по полу в родительском доме, пока ее содержимое обсыпало ковер, как снег. Рядом с ней, корчась от рвотных позывов, лежала молодая женщина в платье с кринолином. Ее глаза налились кровью, а пальцы в агонии цеплялись за его лодыжки, раздирая одежду и кожу, меж тем как он, не в силах пошевелиться, просто стоял и смотрел, пока она не испустила последний вздох.

Ему минуло тогда девять лет. Это был несчастный случай, шутка. Нелепая мысль, которая пришла ему в голову однажды ночью – когда он, как это часто бывало, лежал без сна, в надежде придумать хоть какой-нибудь способ защиты от чудовища, которое поселилось у них в доме после смерти матери. Когда отец только представил им ее, оба ребенка сперва испытали облегчение. Красивая и добрая женщина, которая вдруг заняла место матери за обеденным столом, будто вышла прямо из сказки. Мир перевернулся, но она все исправит, благодаря ее чарам отец вновь будет улыбаться.

Но Эрика ненавидела свою новую жизнь. И вымещала ненависть на детях. Ее первый муж сразу после свадьбы сбежал за границу, прихватив с собой приданое, и давление общества принудило Эрику принять предложение единственного мужчины, который, несмотря ни на что, готов был на ней жениться.

Прошло не так много времени, прежде чем она показала свое истинное лицо. Но только детям – пред отцом она продолжала притворяться доброй и, что бы ни происходило, во всем винила их с сестрой. Тогда отец, вздыхая, отводил Людвига и Иду в сторонку и просил их хоть немного облегчить жизнь своей новой матери.

Они старались. Они очень старались. Но какими бы милыми и послушными они ни были, все становилось только хуже. Эрика часто говорила, что зло отравляет невоспитанных детей изнутри, а если так, то и лекарство от него нужно принимать внутрь. У нее была своя, особая метода борьбы со злом: она брала кусочек сахара и, сопровождаемая испуганными взглядами детей, капала на него какую-то белую жидкость из флакона, который держала у себя в ларце. Людвиг и Ида должны были проглотить по порции такого «лекарства». Результатом были такие сильные желудочные спазмы, тошнота и диарея, что однажды он целую неделю не мог ходить

в школу. Одно воспоминание о том чудовищном бульканье в животе – будто что-то пожирало его изнутри – до сих пор наполняло его стыдом и ужасом.

– В следующий раз будет две капли! – вечно грозила Эрика. И хотя эту угрозу ей так и не удалось выполнить, дети были достаточно напуганы, чтобы стать еще тише, еще усердней, еще послушней.

Бесполезно. Она всегда находила к чему придраться. Когда их отец однажды заболел тяжелой пневмонией, и из-за сильного жара у него начались судороги, так что он не замечал ничего вокруг, Эрика на три дня заперла Иду в погреб – за то, что та якобы намеренно раздражала ее слишком громким пением. Там, внизу, стояла кромешная тьма, было холодно и сыро. Горничная боялась потерять место и поэтому держала рот на замке, а в одиночку Людвиг ничего сделать не мог. Ему оставалось только шептать сестре через узкое окошко в саду, что все будет хорошо. Когда ее выпустили из погреба, у малышки были синие ногти. В горячечном бреду она что-то тихо лепетала, а вскоре после этого у нее развилась тяжелая пневмония, последствия которой – кашель с кровью и приступы слабости – сопровождали ее всю оставшуюся жизнь. Она умерла от эмболии, когда ей не было и сорока.

Вскоре после случая с погребом Людвиг решил рассказать обо всем бабушке, но та назвала его лжецом и отвела на исповедь, где священник наложил на него покаяние – целый ворох бессмысленных молитв. Тогда он обратился к своему учителю латыни. И хотя герру Гропиусу нравился этот умный, тихий мальчик, он приписал бурную фантазию Людвигу последствиям детского греха и сообщил обо всем родителям. Наказание, которое ожидало Людвиг дома, он и сегодня не мог вспомнить без содрогания.

Он не планировал ничего заранее. Все получилось само собой: вместо капли на кусочке сахара Эрику ждала половина флакона в чашке с чаем. Он действовал почти бездумно, воспользовавшись моментом, когда никого не было рядом и надеясь только на то, что она не почувствует постороннего привкуса. Лекарство не горчило, но у него был странный, слегка кислотный запах.

Она его почувствовала. Но лишь после нескольких жадных глотков.

– Странный вкус у этого нового чая, – сказала она, пожав плечами, и продолжила пить. А он, затаив дыхание, наблюдал за происходящим.

Его спасли тогда хорошие манеры. Он никогда не повышал голоса, никогда не безобразничал и в целом был таким тихим, неприметным мальчиком, что заподозрить его в чем-то было просто невыносимо. Служанка, напротив, казалась идеальной преступницей. Хватило одного намека – что она якобы плохо отзывалась о мачехе и сама мечтала выскочить замуж за отца, – чтобы она стала единственной подозреваемой.

А затем в сундуке у нее нашли пустой флакон.

Когда ее схватили, она кричала и изрыгала проклятия, как обезумевшая рыночная торговка, и, отчаянно отбиваясь от полицейских, до последнего продолжала клясться в своей невинности. Несколько месяцев спустя она умерла в тюрьме – ходили слухи, что от туберкулеза, но он потом навел справки: выяснилось, что ее тогда высекли и в загноившейся ране завелись опарыши. Она умерла в муках от заражения крови.

Эта чудовищная история до сих пор омрачала его сны. Но он извлек из нее урок на всю оставшуюся жизнь. Он понял, что человек должен сам заботиться о себе – ему не на кого положиться в этом мире. И что если лгать достаточно умело, то все сойдет тебе с рук, а выйти сухим из воды всегда помогут хорошая репутация и невинный вид.

* * *

Альфред Карстен стоял у окна своего кабинета и, скрестив руки на груди, смотрел на реку. Блеск воды всегда зачаровывал его. Он любил во время работы вот так остановиться

на несколько минут, любуясь цветущим садом и водами Альстера. Какая привилегия – наслаждаться этим видом изо дня в день, думал он в такие моменты. Так было и сейчас.

Виллу на берегу реки он купил всего несколько лет назад. Раньше семья жила в одном из пяти частных домов на Миттельвег. В гостиной под стеклом стояла старинная ваза с изображением поместья. Порой, когда на него находило сентиментальное настроение, он доставал ее и рассматривал вместе с Михелем. При этом Альфред часто рассказывал сыну о своем детстве с восемью братьями и сестрами. О легендарном дедовском саду и деревьях, которые тот посадил для своих детей.

– Я тоже посадил для тебя дерево! – всякий раз гордо объявлял он, но Михель, казалось, не вполне понимал, о чем идет речь. Ему трудно было представить что-то, чего он прежде не видел и не трогал руками.

Альфред и сам ощущал с годами, что память становится все слабее. Детство порой казалось ему далекой сказкой. Многие с кристальной ясностью вставало перед внутренним взором, остальное тонуло в тумане. И чем настойчивее он пытался удержать воспоминания, тем быстрее они ускользали.

Альфред тихо вздохнул. То, к чему он привык, уходило в прошлое. За последние двадцать лет почти все в жизни судовладельца коренным образом поменялось. Интерес к кораблям было у него в крови. Как и его отец, в молодости он много путешествовал и получил серьезное экономическое образование, охватывающее все отрасли этой сферы. Со страстью, которая иногда удивляла даже его самого, он изучал в Британии грузовые и транспортные перевозки, приобщаясь к традиции английского кораблестроения и постепенно обрстая связями с местными судовладельцами и верфями. Многие из этих знакомств он поддерживал и сегодня, несколько десятилетий спустя. Во времена его отца все еще существовала строгая специализация. Корабельный маклер, который закупал и перепродавал суда, а также отправлял грузы, не мог одновременно быть судовладельцем. Но пришла другая эпоха, доктрина свободной торговли сменила меркантилизм, парусники уступили главенствующую роль парходам, утвердилась демократия, а через два года после смерти его отца либерализация экономики и вовсе упразднила должность маклера. Все это открыло Альфреду путь к осуществлению мечты всей его жизни – к основанию собственной судоходной компании. В те времена это было непросто. Ему пришлось преодолеть множество препятствий, прежде чем у него что-то начало получаться.

Но партнеры отца поверили в Альфреда, а его личные связи с Англией способствовали тому, что с каждым годом дела фирмы шли все лучше – даже без советов и поддержки старого Карстена. Больше того – он сумел укрепить линию Гамбург – Ньюкасл. Ранее ее представительством занимался Людвиг Олькерт, но поскольку в его распоряжении было только одно партнерское агентство, ему пришлось тогда отказаться от этого предприятия. Такой поворот не способствовал их взаимной симпатии, но Олькерт, разумеется, давно простил его. Как-никак двадцать лет прошло, он наверняка и думать об этом забыл. За это время Олькерт успел стать самым успешным предпринимателем Гамбурга, затем вдруг резко переменял род занятий, основал собственную верфь, а с недавних пор еще и подвизался в области строительства – боже, осталось ли что-то, к чему этот человек не приложил бы руку! Ходили упорные слухи о том, что Олькерт нажил свое богатство не самым честным путем. Но Альфред не готов был верить подобным обвинениям, пока ему не предоставят надежных доказательств. В конце концов, у тех, кто достиг вершин успеха, всегда есть завистники.

Уже много лет Олькерт всеми силами пытался склонить Карстенов к сотрудничеству, отчаянно желая, чтобы они строили свои корабли на его верфи и соблазняя все более щедрыми посулами. Франц был только «за».

Но Альфред колебался.

Обращение к английским партнерам успело стать для него доброй традицией, связь с островом была для него священна. Кроме того, у него были контакты во Фленсбурге, которые он ни в коем случае не хотел терять, отдав предпочтение местному судовладельцу. Однако он знал, что сотрудничество с Олькертом обещало их семьям другой род связи, который и сам он одобрял...

Но в этом отношении все было наоборот: Франц по каким-то собственным, не вполне ясным для Альфреда причинам был категорически против этого союза. Карстен нахмурился при мысли о старшем сыне. Франц должен бы почитать себя счастливым, после смерти Альфреда ему уготовано теплое местечко. Если бы самому Альфреду все далось так просто! Но он справился. Товарный знак *А. Карстен* был его гордостью, трудом всей его жизни.

Минуло более двадцати лет после смерти отца, мать оставалась вдовой уже четверть века. Неудивительно, что она ожесточилась. Она всегда была строгой, консервативной женщиной, а теперь ее вдобавок подводило здоровье. Расстройство по поводу Лили мгновенно сказалось на ее состоянии, и Альфред беспокоился о матери. Раньше она была совсем другой, ничто не могло выбить ее из колеи. Железной рукой она вела дом и хозяйство, с легкостью управлялась с целым выводком детей. А сейчас... Мыслями Альфред был теперь совсем далеко, витая в обрывках воспоминаний, но настойчивый стук в дверь вернул его к действительности.

Франц несмело заглянул в комнату.

– Отец!

– О, заходи! – сказал Альфред с улыбкой, жестом подзывая к себе сына. – Я не слышал, как ты пришел!

Франц вошел с серьезным видом, и Альфред вздохнул. Он уже понял, о чем пойдет речь. Выходка Лили возмутила Франца даже больше, чем самого Альфреда. Он требовал для сестры более сурового наказания, чем то, которое ей назначили. Альфред был очень рад, что его старший сын, в отличие от многих своих сверстников, вырос не бездельником и гулякой, а целеустремленным молодым человеком, желавшим процветания семейного предприятия. Но отец и сын часто расходились в представлениях о том, что для этого нужно.

– Я хотел с тобой поговорить. Лили сегодня наломала дров. И каких! Я всерьез беспокоюсь о нашей репутации.

Альфред снова вздохнул. И спор начался сначала.

– Франц, ничего по-настоящему страшного не случилось. Нам удалось этого избежать. Благодаря блестящей идее твоей матери...

– Пока не случилось, отец. На церемонии были журналисты. Только представь, что произойдет, если это происшествие попадет в газеты. Достаточно одного недоброжелателя, и...

– Этого не случится! Журналисты пришли туда по моему приглашению.

Франц внимательно посмотрел на него.

– Наша репутация и так постоянно в опасности из-за Михеля. А теперь представь, что скажут люди о семье, где двое детей из трех не соответствуют норме. В какой-то момент пойдут слухи, и мы не сможем им помешать. Общество отвернется от нас, налетят подлые стервятники, и...

– Михель здесь ни при чем! – прогремел Альфред. Слишком громко, он и сам заметил. В глубине души он знал, что Франц прав, но не хотел ничего слышать и думать о последствиях.

Голос Франца зазвучал еще настойчивее:

– Еще как при чем! Отец, я понимаю, что ты не хочешь поднимать эту тему. Мне и самому больно, но я должен сказать: Михель представляет опасность для нас всех. Давно нужно было отдать его в специальное заведение. Сразу после рождения, как и рекомендовали врачи. Ты оставил его только в угоду матери. Он дорог нам всем. Но если когда-нибудь выяснится, что Михель... – Он покачал головой и тяжело вздохнул. – Представь разговоры в клубе... Если

мы потеряем инвесторов, Вебера... Сложно даже представить. Отец, мы должны еще раз все взвесить, Михеля стоит...

– Довольно!

Франц вздрогнул от этого крика. Альфред на мгновение закрыл глаза, а затем продолжил, уже более спокойно:

– Твоя сестра совершила ошибку, это правда. Но о Михеле больше ни слова, я не желаю обсуждать этот вопрос!

– Но, отец...

– Франц, я понимаю, что ты хочешь нам добра. Но нельзя же рубить с плеча. Никто не узнает о Михеле. Те немногие, кому что-то известно, посвящены в эту тайну давно, им нет резона предавать нас. Если до этого дойдет, я приму необходимые меры. Но не сейчас. Твоя мать этого не вынесет. – Он глубоко вздохнул. – И я тоже.

– Тогда может быть уже слишком поздно! – От волнения лицо Франца пошло красными пятнами. – Отец, наши успехи в переговорах с Роттердамом, не говоря уже о Тихоокеанской линии, многим не дают спать спокойно. Я легко могу назвать с десятков людей, которые были бы рады погубить нашу репутацию.

– Я готов взять на себя ответственность, – сказал Альфред так спокойно, как только мог.

– Но это решение касается не только тебя одного! – вспыхнул Франц. – Я точно так же вовлечен в...

– Это мое решение, и я его принял!

Сын не ответил, только пристально посмотрел на него, и Альфред вздохнул.

– Давай оставим этот разговор, сейчас мы ни к чему не придем. Я хотел поговорить с тобой о другом. Мне снова написал Олькерт. Помнишь, я просил тебя еще раз подумать над его предложением?

Лицо Франца вдруг словно окаменело.

– Да, и я подумал. Но ты уже знаешь мой ответ.

Альфред вздохнул.

– Франц, – рассудительно начал он, – Розвита – хорошая партия. Лучшая из возможных, если быть точным. Ее нельзя назвать особенно привлекательной, в этом я должен с тобой согласиться. Но соединить наши дома было бы большой удачей. Я не могу тебя понять: ты месяцами упрасивал меня дать шанс верфи Олькерта и, изменяя нашим традициям, строить корабли для новой линии у него. А теперь вдруг отказываешься от союза с его семьей. Как, по-твоему, это выглядит со стороны? Какую причину я должен указать? Какие у тебя основания для отказа?

Франц замялся по комнате, словно тигр в клетке.

– Я ничего не выигрываю от этого брака. Так зачем мне связывать свою жизнь с ограниченной курицей, которая мне противна?

– Ну, в самом деле, Франц! Держи себя в руках.

– Я хочу сосредоточиться на делах фирмы, отец. О браке пока не может быть и речи. Да и зачем? Мне не нужна жена, я предпочту сохранить свободу и привычные развлечения.

– Разумеется, тебе нужна жена. Разве ты не хочешь когда-нибудь обзавестись собственным домом? И как же дети? Кто унаследует твоё состояние, в конце концов? Кроме того, как я уже сказал, это делается не только для того, чтобы тебя окольцевать. Этот союз ради всех нас...

– Знаю, знаю... – Франц сердито махнул рукой. – Но я остаюсь при своем мнении: это исключено! У меня еще полно времени. Даже если я женюсь через десять лет, я смогу завести столько детей, сколько захочу.

– Не будь так уверен. Кроме того, через десять лет на эту роль вряд ли найдется кто-то столь же подходящий, как Розвита. Я просто не знаю, под каким предлогом я должен...

– Олькерт хочет этого брака только для того, чтобы лишить тебя возможности и дальше отказываться от сотрудничества. Если бы мы начали строиться у него сейчас, мне бы не пришлось...

Альфред сердито стукнул рукой по спинке стула.

– Мы не будем строиться у Олькерта, и ты это знаешь. Так что забудь. Пока я управляю компанией, мы будем верны Фленсбургу.

Франца передернуло от гнева.

– Отец, не будь ты таким упрямым...

– Тема закрыта.

Мгновение Франц выглядел так, будто никак не может взять себя в руки. Затем он проскрежетал:

– Тогда напиши ему, что у меня бурный роман и я настолько потерял голову, что сейчас ты не можешь меня вразумить, хотя ни к чему серьезному моя интрижка явно не приведет. Это всякий поймет. Так мы на время отделаемся от Розвита, и, может, она вскоре найдет себе кого-то еще.

– Так что же... – Альфред внимательно посмотрел на сына. – У тебя кто-то есть?

– Это мое дело! – вспыхнул Франц. Альфред устало кивнул.

– Мы еще поговорим об этом, когда ты успокоишься, – начал он, но сын поспешил сменить тему:

– Мне больше нечего сказать по этому поводу. Вместо того, чтобы думать обо мне и моей бесполезной женитьбе, лучше как можно скорее выдать замуж Лили, пока она снова не наделала глупостей. У нее ветер в голове. Говорю тебе, в какой-то момент Генри отступится от нее – и тогда мы упустим действительно выгодный союз. Фон Каппельны – аристократы, отец. Аристократы! И у них связи за океаном.

– Все это мне известно, – нетерпеливо отмахнулся Альфред. – Генри без ума от Лили, об этом можешь не беспокоиться. Но семья должна быть укреплена со всех сторон, и брак между тобой и Роз...

– Разговор окончен! – крикнул Франц и вылетел из кабинета прежде, чем отец успел возразить.

Альфред покачал головой и устало опустился на стул. Франц так бурно реагировал на эту тему. Он не одобрил до сих пор ни одной из предложенных кандидаток. Среди молодых людей вошло в моду вести распутную холостяцкую жизнь, общество смотрело на это сквозь пальцы. Иногда Альфреду казалось, что самыми выдающимися представителями этого поколения были как раз те, кто – на манер денди – открыто жил ради удовольствия. Незамужние женщины после двадцати пяти лет считались старыми девами, а мужчины могли оставаться холостыми всю жизнь, заводя одну любовницу за другой, и их ждала в худшем случае слава донжуана. Размышляя об этом, Альфред развернул кресло к окну. Он переживал за всех своих детей. Но как ни удивительно, именно Франц был его главной головной болью, пусть он даже никогда не говорил об этом вслух.

Не для того, чтобы защитить семью.

И не из-за репутации.

У него было предчувствие. Страшное предчувствие. Порой ему было стыдно за свои мысли. Но в такие моменты они вновь закрадывались в голову, заставляя его содрогнуться.

Он искренне надеялся, что ошибается.

* * *

Едва сдерживая дрожь, Франц взлетел по лестнице на верхний этаж. Гнев, охвативший его, был настолько силен, что ему захотелось схватить что-нибудь и швырнуть об стену. Отец

был таким упрямым. Если бы он только согласился работать с Олькертом! Тогда Францу не пришлось бы даже думать об этой проклятой свадьбе. Глубокое, темное отчаяние нахлынуло, как волна, грозя целиком его поглотить. Чувство было настолько сильным, что он кинул взгляд вниз, на мраморные плиты холла, задумавшись, каково это – вот так покончить со всеми проблемами? «Почему бы не броситься вниз? – нашептывал голос внутри него. – Ты не такой, как им нужно. Ты неправильный. Совершенно и бесповоротно другой. Если они узнают, кто ты на самом деле, тебе все равно придется это сделать. Так отчего не сейчас, чтобы, по крайней мере, сохранить лицо?».

Франц хорошо знал, что это за голос, его вечный спутник. Словно черный дьяволенок, сидя у него на плече, нашептывал ему на ухо самые темные, самые отчаянные мысли. И не было светлого ангела на другой стороне, чтобы что-то ему противопоставить. Вместо ангела была работа. Пока он работал с утра до вечера, он переставал слышать этот голос. Тогда он чувствовал себя почти нормальным, почти счастливым.

Но только почти.

Мгновение он, дрожа, стоял наверху. Руки с фамильными перстнями и печатками лежали на массивных дубовых перилах.

Здесь высоко. Не меньше десяти метров. Он уже представил себе собственное изломанное тело на красивой мраморной плитке, свои остекленевшие глаза, кровь, медленно стекающую красными струйками. Этот образ казался почти спасением.

Но затем Франц взял себя в руки. Расправил плечи, заставил себя дышать ровно. Лицо утратило выражение глубокого отчаяния, расслабилось и теперь казалось бесстрастным, почти холодным. Он должен быть осторожнее – нельзя показывать, как сильно его пугает мысль о женитьбе. Может быть, стоит завести любовницу, это должно...

В этот момент слева от него открылась дверь, и показалась Зеда. Она вздрогнула, разглядев его в полумраке коридора.

– Герр Карстен, я не слышала ваших шагов. – Она присела в книксене. – Вам что-нибудь принести?

Как всегда, она покраснела. Франц знал, что она в него влюблена. Господи, все они были в него влюблены. Резкость Франца сводила женщин с ума. Она была для них вызовом. Обычно мужчины унижались перед ними, поэтому, когда кто-то поступал иначе, эти глупые индюшки тут же теряли голову. Иногда он развлекался так на балу: намечал себе жертву, проводил с ней весь вечер, разыгрывая внезапный интерес, флиртовал – и все это лишь для того, чтобы на следующий день не удостоить ее даже взглядом. Это сводило женщин с ума и доставляло ему странное удовольствие.

– Мне ничего не нужно! – ответил он ледяным тоном.

Зеда сделала книксен и, по-прежнему красная, как мак, хотела прошмыгнуть мимо него, но он внезапно схватил ее за руку. Она вздрогнула и уставилась на него, широко распахнув глаза. Он изучал ее лицо. Красивая, даже очень. Полные красные губы, карие глаза. Он видел, что она испугалась, даже чувствовал ее дрожь. Но в то же время он понимал, что, если он решит ее поцеловать, она не окажет никакого сопротивления. Что делать, уволиться она не может. Он притянул ее к себе, и она закрыла глаза в ожидании того, что вот-вот должно было произойти. Он уже чувствовал ее дыхание, но за секунду до того, как их губы должны были соприкоснуться, он вдруг оттолкнул ее.

Она отшатнулась в испуге и ударилась о перила.

– Ко мне никого не впускать, кроме Кая. Скажи ему, что он нужен мне для разбора корреспонденции, – бросил Франц и, не дожидаясь ответа, пошел к себе.

* * *

Зеда, дрожа, стояла там, где он оставил ее. От волнения у нее подгибались колени, мгновение ей казалось, что она вот-вот упадет. Словно зачарованная, девушка коснулась пальцами губ. Затем, издав сдавленный звук, поспешила вниз.

Глава 4

В классной комнате Лили обычно садилась у окна. Ей нравилось смотреть на улицу во время занятий. Особенно если тема была ей неинтересна. В этом году в их учебной программе было целых семнадцать предметов, из которых примерно половина навевала на Лили смертельную скуку. Естествознание и психология ее увлекали, математика и рукоделие, напротив, не приносили никакого удовольствия, то же самое было с пением и гимнастикой. На уроках латыни она и вовсе боролась со сном, наблюдая за мальчишками во дворе соседней гимназии. Заведение, в котором она училась, располагалось в корпусе школы для мальчиков, и находилось в том же старинном здании с портиком и высокими стрельчатыми окнами. Однако крылья здания были тщательнейшим образом отделены друг от друга, чтобы у гимназистов не возникло соблазна нанести барышням тайный визит.

Рядом с Лили всегда сидела ее лучшая подруга, Берта. Так повелось с тех самых пор, как они вместе записались на курсы, куда Берта, как и она сама, пошла лишь для того, чтобы «скоротать время». Слова отца не выходили у Лили из головы, она постоянно думала о том, хорошо ли они поступают, занимая места, в которых другие женщины могут отчаянно нуждаться. Но ей так хотелось учиться! Нет, никто и ничто не заставит ее отказаться от курсов по своей воле. Её подруга, однако, не проявляла реального интереса ни к одному предмету. Должно быть, в учебе ее привлекали атмосфера классных комнат, веселая компания однокурсниц, перерывы и долгие прогулки, наконец, само ощущение, что ты чем-то занят. Лили хорошо ее понимала.

Несмотря на то, что круг ее друзей со временем расширился, они с Бертой по-прежнему оставались соседками по парте, и только после объявления помолвки Лили несколько недель просидели в разных концах классной комнаты – к несчастью, оказалось, что Берта была влюблена в Генри. Прошли недели, прежде чем Лили поняла, что ее жених был тем самым юношей, о котором подруга грезилась столько времени. Берта не верила, что это было случайное совпадение, и между ними произошла тогда ужасная ссора. Но в какой-то момент подруге пришлось признать, что у нее все равно не было шансов заполучить Генри и что помолвку организовали родители Лили, а не она сама. К тому времени у Берты появился новый поклонник, ссора была забыта, и привычное соседство восстановилось.

Однако сегодня, войдя в класс, Лили обнаружила, что место Берты было занято. Там сидела поразительно красивая молодая женщина с каштановыми волосами. Она была одета в голубое шелковое платье с цветочной вышивкой, а в волосах у нее сверкали серебряные заколки. Незнакомка, казалось, была полностью поглощена книгой. Какое-то время Лили удивленно рассматривала эту необычайно изящную даму, а затем незаметно опустилась за парту рядом с ней. С удивлением она обнаружила, что книга, которую читала ее новая соседка, была на английском. Лили захотелось увидеть название главы, но тут молодая женщина подняла на нее свои карие глаза, и она вздрогнула.

– Простите, пожалуйста! Мне просто стало любопытно.

Дама улыбнулась и развернула к ней книгу. Заглавие Лили ни о чем не говорило.

– К сожалению, мой английский недостаточно хорош, – пояснила она, покачав головой. Это был один из нелюбимых ее предметов.

– Ах, боюсь, даже если бы ты смогла перевести заглавие, это вряд ли бы помогло. Это трактат по анатомии, причем безнадежно устаревший.

Женщина рассмеялась и убрала книгу в сумку.

– Я Эмма! – сказала она с легким акцентом, протягивая руку Лили. – И давай на «ты». Я здесь новенькая и еще никого не знаю. Кроме тебя. – Она снова рассмеялась, отчего на щеках показались очаровательные ямочки. – Поэтому я и прячусь за своей книгой!

Лили ничего не оставалось, как тоже от души рассмеяться.

– Лили Карстен. Очень приятно! Я тоже так делаю, когда хочу стать невидимой для окружающих.

Она уже собиралась спросить Эмму, почему, ради всего святого, она таскает с собой старый английский трактат по анатомии, когда вошла Берта. Увидев, что Лили и Эмма сидят вместе, она замерла. Ее глаза сверкнули, а рот приоткрылся от изумления. Лили встала и махнула ей рукой, надеясь представить их с Эммой друг другу, но тут в класс вошел учитель.

– Доброе утро, дамы! – воскликнул герр Кляйнляйн, и девушки поспешили на свои места. Берта развернулась, подошла к пустой скамейке на другом конце класса и села рядом с Анной-Марией Фербаум. Лили пыталась поймать ее взгляд, но Берта больше не посмотрела в ее сторону.

– Сегодня мы начинаем с урока латыни. Прошу вас, достаньте свои письменные принадлежности.

Лили застонала, и герр Кляйнляйн тут же бросил на нее предостерегающий взгляд. А в следующий момент он заметил Эмму.

– О, конечно, я же совсем забыл! Фройляйн Уилсон, – он назвал Эмму по фамилии, и девушка встала, шурша платьем.

– Дамы, представляю вам нашу новую студентку. Мисс Эмма Уилсон, она приехала к нам из Лондона. Мисс Уилсон, возможно, вы хотели бы сказать несколько слов?

Он смотрел на Эмму дружелюбно, но Лили заметила, что что-то не так с его улыбкой. Герр Кляйнляйн был сутулым человечком с моноклем и козлиной бородкой. Обычно он относился к своим ученицам доброжелательно и терпеливо. Но сегодня все было иначе – казалось, его совсем не обрадовало присутствие Эммы.

«Что с ним?» – подумала Лили. Ей очень понравилась новенькая, и она даже представить себе не могла, почему учитель смотрел на нее косо.

Однако Эмма, похоже, ничего не заметила и лишь кивнула на предложение учителя.

– С удовольствием! Хотя я действительно родилась в Лондоне, моя мать происходит из знатной гамбургской семьи. Именно поэтому я в равной степени владею английским и немецким и могу так свободно с вами общаться. – Она улыбнулась присутствующим. – Мне двадцать семь, так что я, вероятно, старше большинства из вас. Последние несколько лет я провела в Швейцарии, где изучала медицину.

По комнате прошел гул изумления. Некоторые сдвоенно хихикали, другие смотрели на Эмму с недоумением. Лили тоже откинулась на спинку стула, не веря своим ушам. Эмма изучала медицину? Женщина? Лили даже не подозревала, что такое возможно.

– К сожалению, мне пришлось вернуться сюда, чтобы присматривать за матерью, которая осталась в Гамбурге совсем одна. А поскольку у меня нет возможности работать здесь по профессии, пришлось искать новые пути. – Эмма неуверенно пожала плечами. – Скорее всего, следующие несколько лет я проведу в Гамбурге. Мне не хотелось бы оставаться без работы все это время. Поэтому я решила пойти на курсы. К счастью, благодаря моему образованию мне не придется начинать с нуля.

Девушка снова обворожительно улыбнулась. Она изучала спокойную уверенность, и Лили почувствовала, как и сама проникается этим настроением.

Герр Кляйнляйн, однако, бросил на Эмму взгляд, полный неудовольствия.

– Чудесно! – недобро усмехнулся он. – Значит, вы здесь потому, что у вас нет другого выхода? Всегда приятно слышать от учащихся что-то подобное.

Лили удивленно моргнула. Она решительно его не узнавала.

– Ну что ж, посмотрим, чему вас научили в университете. Надеюсь, вы не будете отставать от сокурсниц. – В его голосе звенел нескрываемый сарказм.

Лили перестала что-либо понимать. Эмма тоже наконец заметила неладное. Приподняв брови, она молча посмотрела на учителя, но тот лишь велел ей сесть.

Во время занятий герр Кляйнляйн снова и снова вызывал Эмму к доске под предлогом проверки ее знаний. На большинство его вопросов она невозмутимо давала верные ответы. Но в те немногие разы, когда девушка все же ошибалась, он поправлял ее с плохо скрываемым удовлетворением.

На следующее утро Лили сидела за столом, тоскливо ковыряя яичницу. Аппетита не было совершенно. Она задумчиво сделала глоток чая со сливками, затем бросила в чашку кубик леденцового сахара. Ее ждал очередной теплый летний день. Окна столовой были открыты настежь, комнату наполнял аромат цветущего сада, переплетающийся с запахом кофе и свежих булочек. Родители вполголоса обсуждали предстоящий летний бал, Франц, не замечая ничего вокруг, читал газету, а фройляйн Зёдерлунд сидела на привычном месте рядом с Михелем, помогая ему управляться с приборами.

С момента крещения корабля прошло уже несколько дней, но в семье по-прежнему царило подавленное настроение. Хотя Лили не лишали привычной заботы, она сполна ощутила разочарование родителей, которые теперь относились к ней с прохладной отстраненностью. Большой удачей было уже то, что бабушка не спустилась сегодня к завтраку. Хотя старая дама сильно страдала, ее болезнь в каком-то смысле была благословением для семьи, препятствуя ее появлению в столовой. Бабушка не могла самостоятельно передвигаться по лестнице, так что обычно ее носили слуги, но в плохие дни она предпочитала вовсе не покидать свои покои. Сегодня Лили была рада этому как никогда – накануне бабушка устроила ей настоящую взбучку. Да и всем остальным было спокойнее, когда Китти Карстен не было рядом.

В комнату вошла Герта и, увидев полную тарелку Лили, неодобрительно приподняла бровь. Кухарка работала у них еще с тех пор, как Франц был маленьким, и Лили любила ее, как родную бабушку. Это была худая, как палка, высокая женщина с седым пучком волос и двумя прямыми морщинами вдоль щек, придававшими ей строгий вид, который совсем не соответствовал ее натуре. Лили часто сидела с ней на кухне, наблюдая, как она месит тесто или чистит рыбу, и философствовала с ней о жизни и о своих текстах. Герта проявляла живой интерес ко всему, что Лили читала и писала, и девушка с радостью рассказывала ей об этом.

Герта пригрозила ей пальцем, намекая, что надо поесть, а затем спросила:

– Могу я принести еще что-нибудь для господ?

– Большое спасибо, Герта, ничего не нужно! – улыбаясь, ответила Зильта. – Рыба сегодня особенно удалась. Можешь передать Лизе, что мы закончили.

Герта сделала реверанс и, выходя из комнаты, послала Лили предостерегающий взгляд, после чего подмигнула. Лили вздохнула, насадила на вилку кусок запеченной рыбы, а затем, повертев его так и сяк, отправила вилку в рот. Пока она жевала, ее взгляд упал на Михеля, который – без ведома фройляйн Зёдерлунд – успел глотнуть молока, которое стекало теперь у него по подбородку.

– Михель, дорогой, возьми салфетку! – воскликнула Лили.

Зильта подняла голову и вмешалась, прежде чем сын успел размазать напиток по всему костюму. Во время еды они всегда клали ему на колени салфетки, но он, как это часто бывало, успел скинуть их на пол.

– Извините, фрау Карстен, это мое упущение! – Фройляйн Зёдерлунд хотела взять у нее салфетку, но Зильта только отмахнулась.

– Не волнуйтесь, я уже закончила, а вы еще ничего не съели. Я позабочусь о нем! – Зильта любовно промокнула сыну подбородок, а затем шею, где обнаружились не только остатки молока, но и упавшие за воротник кусочки рыбы и хлебные крошки.

– Мальчик должен научиться вести себя за столом! – заметил Франц, не отрываясь от газеты.

– Он делает успехи! – вступилась Зильта за младшего сына и, когда Франц бросил на нее скептический взгляд, улыбнулась. – Все в порядке, костюм, в конце концов, можно постирать.

– Все в порядке лишь до тех пор, пока никто его не видит таким! – парировал Франц, и Зильта нетерпеливо вздохнула.

Внезапно в коридоре послышались шаги, и все удивленно переглянулись. Через несколько секунд в комнату ворвался дядя Роберт. Он казался расстроенным, а в руках у него была газета, которую он швырнул на стол, не снисходя до приветствий. У Лили мгновенно засосало под ложечкой.

– Полагаю, вам уже все известно? – спросил он своим зычным голосом, подбоченившись.

Лили нравился дядя Роберт, шумный бородач, который любил с ней шутить. Но когда он злился, высокий рост и громкий голос делали его угрожающим. А сегодня он, казалось, был совершенно вне себя.

Отец, нахмурившись, развернул газету.

– О чем ты говоришь? – спросил он брата, взглянув на первую полосу.

– Третья страница. Городские сплетни! – Дядя рухнул на стул, переводя дыхание. Лиза тотчас бросилась к нему и поставила для него приборы, но он только отмахнулся.

– Я не голоден. Только кофе, пожалуйста! – скомандовал он, и служанка, удивленно округлив глаза, налила ему чашку. Было ясно, что ей тоже не терпелось узнать причину этого неожиданного визита.

Франц поднялся со своего места и теперь стоял позади отца, скрестив руки на груди, и тоже читал. Из-за газеты Лили не видела выражения лица Альфреда, но зато она видела, как по мере чтения все больше застывает лицо брата.

Франц поднял голову и на мгновение бросил на нее такой сердитый взгляд, что она, не выдержав, опустила глаза. Через несколько секунд отец сложил газету. Его губы подрагивали.

– Что ж... Опасения Франца подтвердились, – сказал он, избегая взгляда Лили.

– Что такое, дорогой? – встревоженно спросила Зильта.

– Мы в прессе. И статья... ну, скажем так... не самая доброжелательная.

– Кампания по шельмованию, вот что это такое! – прогремел Роберт, и немного кофе пролилось на белую скатерть. – Репортер вам знаком?

Франц и Альфред одновременно покачали головами.

– Фридрих Рихтер. Впервые слышу. Его не приглашали на крещение.

– Мы не можем этого так оставить. Нам нужно сейчас же выработать план для дальнейших действий! – Роберт встал и одним глотком опустошил свою чашку.

– Верно! – Отец тоже встал. – Мы будем в кабинете. Пусть нам принесут кофе.

Все трое, не промолвив больше ни слова, вышли из комнаты, и только Альфред немного замешкался.

– Матери не сообщать ни при каких обстоятельствах! – предупредил он. – Если она увидит статью, да поможет нам Бог!

С этими словами он закрыл за собой дверь. За все это время он даже не взглянул на дочь. Никто не сказал этого вслух, но Лили и так было ясно: в статье говорилось о ней.

Глава 5

Ожидая, когда ему нальют пиво, Франц стоял у барной стойки в клубе «Единство», когда на плечо ему легла чья-то рука. В зеркальном отражении он увидел желтую львиную гриву, и у него засосало под ложечкой.

– Людвиг! – Он заставил себя улыбнуться.

– Франц, дорогой мой! У тебя есть минутка?

– Разумеется, – кивнул он. – Пройдем в игровую?

Они взяли свои напитки и удалились в комнату, обшитую панелями, где несколько господ в черных костюмах, окутанные клубами табачного дыма, играли в карты. Минувя игроков, Олькерт направился к столику в углу, и Франц, нервничая, последовал за ним.

Он молился, чтобы речь не зашла о помолвке. До сих пор Олькерт в согласии с традицией вел все переговоры через отца. А теперь Францу придется сказать ему в лицо, что он не хочет жениться на Розвите, и он предчувствовал, что это будет непросто. Вдобавок его бесило, что Олькерт пытался давить на него только потому, что их совместные планы не удавалось воплотить в жизнь в ближайшее время.

– Ну что, есть подвижки? – спросил Олькерт, улыбаясь, и сделал глоток бренди.

Франц вздохнул.

– Отец по-прежнему упрямится. Но, думаю, я его уговорю. Ему нелегко изменять своим привычкам. Я с самого начала предупреждал, что не стоит ожидать от него быстрого согласия.

Олькерт недоверчиво кивнул и мгновение рассматривал янтарную жидкость на дне своего бокала.

– Конечно, конечно, – спокойно ответил он. – Но время у нас на исходе, тебе не кажется?

Франц pokrылся легкой испариной.

– Я бы так не сказал. Нам не нужен Роттердам. Решающее значение для нашего... предприятия имеет только линия Калькутты. – Он прочистил горло и опасливо огляделся. – Товар можно импортировать из Китая в Индию по суше – это всегда проще, чем по морю. Потребуется по меньшей мере полтора года, прежде чем мы сможем запустить нужную линию, и ты это знаешь. Мало ли что поменяется к тому времени.

– Да, но хорошие корабли тоже не строятся в один день.

– Корабли будут, а на какой именно верфи их строить – для нашего дела безразлично.

– Не совсем. Строя корабли у меня, мы могли бы конструировать их таким образом, чтобы в случае разного рода досмотров часть груза нельзя было сразу обнаружить. В результате наш товарооборот, – теперь и Олькерт огляделся по сторонам, – тут же увеличился бы более чем в десять раз!

– Товар с наших пароходов будет разгружаться у тебя, это уже точно, – заверил Франц. – Пока большего и не нужно. С судов – прямиком в твои хранилища, а дальше в дело вступят наши люди. Остальное уточним позже. Год-другой не имеет значения.

– Кто может мне это гарантировать? Если ты не в состоянии повлиять на своего отца сейчас, кто поручится, что вы не найдете других партнеров в последнюю секунду? Возможно, мне все-таки стоит поискать другую судоходную компанию.

– Я обо всем позабочусь!

Олькерт подался вперед:

– Франц, это дело обещает больше возможностей, чем ты можешь себе представить. Речь идет – в прямом смысле! – о мировом господстве. Расширение имеет для меня огромное значение. Надеюсь, я достаточно ясно выразился?

Франц кивнул и слегка ослабил узел галстука:

– Я думаю, скоро он даст свое согласие.

Олькерт задумчиво смотрел на молодого человека.

– Ты же сам понимаешь, что для меня все это... малоубедительно. Я рискую, и соединение наших семей было бы своего рода гарантией. – Он улыбнулся, но в этой улыбке не было ни тепла, ни участия.

Франц стиснул руки так, что ногти впились в ладони. Он знал, что разговор примет именно такой оборот – догадался, едва почувствовал руку на своем плече.

– Я очень польщен и ни в коем случае не хочу обидеть твою прекрасную дочь. Но, к сожалению, я должен тебя разочаровать: мое сердце принадлежит другой.

Олькерт громко рассмеялся.

– Твое сердце? Дорогой мой, о сердце здесь речи не идет. Поверь мне на слово: если бы все мы руководствовались сердечными порывами, то большинства известных тебе гамбургских семей попросту не было бы.

Франц кивнул.

– Для меня это большая честь...

– Еще бы, – холодно перебил его Олькерт.

Франц снова кивнул. Ему было все сложнее сохранять непринужденный тон.

– Да, в общем... Такой брак пошел бы на пользу и нашей семье, и компании. Но все же в настоящее время я просто не в состоянии... – Он запнулся, не зная, что сказать дальше, и Олькерт покачал головой.

– Ну что же, возможно, и в самом деле не стоит торопиться. Вы с Розвитой еще даже толком не знакомы. Я уверен, что если ты еще раз как следует все взвесишь, ты и сам поймешь, что этот брак – лучшее, что может случиться с семьей Карстен.

Это прозвучало почти как угроза.

Франц вздохнул.

– Конечно, я понимаю! – промямлил он. – Но на брак непросто решиться.

Олькерт поднялся.

– Мы еще поговорим, Франц. Ты скоро поймешь, что ничего сложного в этом нет. Нужно только захотеть.

* * *

Людвиг Олькерт вышел из клуба и посмотрел на небо. Закончится когда-нибудь эта жара? У мужчин его сословия в то время не было подходящего костюма для такой погоды, и он каждый день страшно потел в своих щегольских нарядах.

Кучер Олькерта курил неподалеку в компании здешних работников. Увидев хозяина, он вскочил на козлы и погнал лошадей к подъезду. Олькерт ждал у лестницы, пока карета не подъехала и слуга не открыл ему дверь.

Когда они отъезжали, он посмотрел на здание клуба и увидел Франца, стоявшего у окна. Лицо юноши было белым как мел. Олькерт помахал ему на прощание, и Франц сделал то же самое. Даже с такого расстояния было видно, чего ему стоило выдавить из себя вежливую улыбку.

Олькерт откинулся на спинку сиденья и удовлетворенно улыбнулся. Пожалуй, он сегодня немного перегнул палку. Но юнцу нужно было показать, что он больше не примет отговорок. Если они собрались стать партнерами, Франц должен или полностью включиться в общее дело, или не участвовать вовсе. Олькерт не мог дожидаться, когда старый Карстен передаст управление делами сыну. Мальчишку во что бы то ни стало надо женить на Розвите. Мало того, что дочь в него без памяти влюблена, этот союз был бы более чем полезен ему самому. Конечно, у него были акции конкурентов Карстена – уже хорошо. Но это была лишь подстраховка. Олькерт собирался вкладывать деньги в судоходную компанию Карстенов. По мере роста влия-

ния Франца на семейное предприятие они будут строить на верфи Олькерта все больше и больше кораблей, укреплять связи с Азией и распространять торговлю на всю Европу. Управлять отцом через сына было бы неплохо, но этого явно недостаточно. Нужно найти способ подчинить себе Франца. Олькерт не думал, что мальчишка воспротивится браку, он был застигнут врасплох его объяснениями, даже разгневан. У этого отказа должна быть какая-то причина, и это вряд ли другая женщина – в историю Франца он не поверил на миг. Никто не знал, что это могла быть за женщина, Франц не говорил о ней прежде, не хвастался, как это делали другие мужчины в клубе. Нет, Олькерта не покидало подозрение, что там кроется что-то иное. Конечно, он мог бы просто отказаться от своего обещания вложить капитал... Но его уход делу не поможет, напротив – это послужит расколу, а это было последнее, чего он хотел. Действовать нужно было с большой осторожностью.

И он уже начал.

При создании новой калькуттской линии, о которой они только что говорили с Францем, старый Карстен полагался прежде всего на Герхарда Вебера и Йенса Боргера, своих самых крупных вкладчиков. Он собирался учредить акционерное общество, чтобы запустить линию, а для этого нужны были люди и их миллионы – в том числе Олькерт, который тоже хотел в этом участвовать, пусть и в меньшей степени. Если один или даже оба главных инвестора отступят... Да, это поставит семью Карстенов в ужасное, ужасное положение.

Олькерт задумчиво подергал бородку.

И тогда он придет к ним с предложением восполнить недостающие миллионы. Если Карстены в ответ согласятся строить корабли для новой линии на его верфи. Более чем справедливо, не так ли? Тогда Францу даже не придется уговаривать отца, и проблема решится сама собой. Олькерт улыбнулся. Это было отличное начало.

Он всегда знал, что нужно только набраться терпения, и в конце концов он этого добьется. Однажды дело всей жизни старого Карстена будет принадлежать ему.

* * *

Лили нервно топталась на условленном месте, едва не искрясь от напряжения, и из-под оборок своего зонта от солнца следила за стрелками больших часов над входом в вокзал, будто от них зависела ее жизнь. Уже десять минут седьмого. Где же носит этого Болтона? Она огляделась по сторонам. С каждой минутой ее сердце билось все быстрее. Винават был не только сомнительный район, и даже не деньги в расшитой бисером сумочке, которую она прижимала к себе. Если бы! Нет, все дело было в этом мужчине, который все время сбивал ее с толку. Он был совсем не таким, как другие мужчины, которых она знала. Во многом это объяснялось тем, что ее отец всегда строго следил, чтобы она общалась только с господами из высшего общества. Он никогда не брал ее с собой на работу, и даже в гавани она до этого бывала только на спуске на воду кораблей и по другим особым случаям – и всегда под защитой взрослых. Она не могла припомнить, чтобы ей вообще когда-либо доводилось перекинуться парой слов с кем-то из рабочих.

Всю неделю она с нетерпением ждала встречи и целую вечность не могла решить, что надеть, пока, наконец, не остановилась на одном из самых скромных своих нарядов – прогулочном платье из узорчатого шелка кремового цвета. Фасон, однако, был довольно изысканным: форму держали конский волос и спиральные пружины турнюра, нижняя юбка заканчивалась тремя воланами, верхняя сзади была сильно присборена, но на платье не было ни кружева, ни украшений, кроме золотых пуговиц. Не хватало еще, чтобы Болтон подумал, что она ради него разрядилась в пух и прах!

«Он неотесанный, невоспитанный идиот, не имеющий представления о приличиях!» – в сотый раз сказала она себе, решительно не понимая, почему так странно на него реагирует.

И в то же время все происходящее казалось ей невероятно захватывающим. Тайная встреча! Ее повседневная жизнь состояла из курсов, уроков игры на фортепиано, рукоделия и бесконечных часов за письменным столом. Так что проделка с велосипедом на прошлой неделе была самой увлекательной и бунтарской в ее жизни. Сегодня она во второй раз делала то, чего от нее никто не ожидал, и от этого у нее закружилась голова. О том, что будет, если об этом узнает ее отец, она даже думать не хотела.

– Эй!

Она обернулась. Болтон стоял сзади и разглядывал ее. Как это он подобрался к ней так близко, а она даже и не заметила?

– Ох. Вы напугали меня! – Ее пульс участился. Он кивнул, как будто она не сообщила ему ничего нового.

– Вас непросто было найти. – Он указал на ее зонт.

– Я не хотела, чтобы меня кто-то узнал! – пояснила она, потому что для такого зонтика и в самом деле было поздно.

– Так что же, принесли деньги? – спросил он, и она почувствовал, как в ней нарастает раздражение. Как невежливо – без всяких околичностей переходить прямо к делу! А вообще-то он даже ее не поприветствовал. Глазами он нервно рыскал по сторонам, казалось, даже не замечая ее.

– Нет, я просто так каждый день слоняюсь по вокзалу, смотрю на прохожих! – Лилиostroила гримаску. – Конечно, я принесла деньги, что я, по-вашему, делаю здесь, воздухом дышу?

Он удивленно моргнул, а затем громко расхохотался.

– Только не кусайтесь. Я просто спросил.

– Как правило, люди начинают беседу с приветствия, – возразила она сухо.

Он улыбнулся.

– Разумеется. Каюсь, сударыня. Как ваше драгоценное самочувствие?

– Плохо! – сказала она, задыхаясь от возмущения, и он снова засмеялся. Она злилась все сильнее. О чем она только думала, когда с таким воодушевлением ждала эту встречу? Она завопилась со своей сумочкой, вытаскивая деньги.

– Вы с ума сошли, не здесь! – прошипел он, и Лили вздрогнула.

– А где же еще? – удивленно спросила она. Он оглянулся по сторонам, потянул ее в темный угол между двумя колоннами и встал перед ней так, чтобы спиной прикрыть их от любопытных взглядов.

– Быстрее, если нас кто-то увидит, подумают, что я на вас напал, – проворчал он.

– Я примерно так себя и чувствую! – раздраженно ответила Лили. Она сказала это в шутку, но ей вдруг стало ясно, что она ничего не знала о человеке, с которым втайне ото всех стояла сейчас в темном вокзальном углу.

И никто не знал, где она.

– Позвольте напомнить, что это была ваша идея, – сказал Болтон, и в его глазах блеснула насмешка. Он будто догадался, о чем она только что подумала.

Сколько у него веснушек, подумала Лили, и во рту у нее внезапно пересохло. И почему он такой симпатичный? Это совершенно сбивало ее с толку. Внезапно на нее обрушился неприятный запах. От Болтона ужасно пахло потом! Она сморщила нос и немного отодвинулась от него.

Он увидел, как ее взгляд переместился к пятнам у него под мышками, и рассмеялся.

– Что, не для вашего чувствительного носика? – сказал он. – Запах гавани. Так бывает, когда работаешь!

– Правда? – Лили решила, что не позволит себя смутить. – Мой отец тоже работает, и от него еще ни разу так не пахло. Так что дело в вас.

Он вытаращил глаза, а потом, как бы не веря услышанному, покачал головой.

– Или в том, что ваш отец работает головой, а не руками! И к тому же не в гавани. Это он переложил на других. – Он стоял, упираясь руками в стену за ее спиной, и тем самым оказываясь к ней еще ближе, чем прежде. Она отвернула лицо в сторону. До чего же едкий запах! Он снова улыбнулся. – Стало быть, деньги при вас?

Она кивнула и снова принялась рыться в своей сумочке.

– Это все, что мне удалось раздобыть. Я пыталась поговорить с отцом, но поскольку многое пришлось утаить, было сложно подобрать аргументы, – торопливо объяснила она. – Отец сказал, что герру Гердеру следовало смотреть по сторонам и лучше взвешивать последствия своих поступков. Папа оплатит лечение, а дальнейшая судьба пострадавшего – не его дело, так он считает.

Болтон кивнул без всякого выражения.

– И почему меня это не удивляет? – пробормотал он.

Лили почувствовала, что должна заступиться за отца.

– Он просто не знает об ампутации, со всем этим разобрался брат.

– Он мог бы спросить, – холодно возразил Болтон.

Лили покачала головой. Объяснить все это было трудно, отец крайне неохотно с ней разговаривал. Он и раньше не считал нужным обсуждать с ней финансовые вопросы, и в этот раз быстро положил конец дискуссии.

– Твой брат заверил меня, что обо всем позаботится, и мы должны ему доверять! – сказал он. – Я точно не стану его контролировать. – Когда она хотела возразить, он гневно поднял руку. – Лили, тебе не кажется, что ты доставила нам достаточно хлопот? Человеку заплатили за услугу, которую он тебе оказал, мы взяли на себя расходы по его лечению. Вряд ли можно требовать большее. Я понимаю, что тебя мучает совесть, но я не стану покупать тебе индульгенцию. Напротив, я даже рад, что у тебя есть повод подумать о своем поведении. Тебе вообще не следовало надевать эту шляпу!

«Но я не могла знать...» – хотела возразить она, но он покачал головой.

«Если это тебя тревожит, поговори со своим братом», – сказал он. Но разговаривать с Францем было все равно, что биться головой о стену.

«Я обо всем позаботился, а большего тебе знать и не нужно», – объявил брат, возмущенно глядя на нее. После той статьи в газете он почти не разговаривал с ней. – Его будут лечить лучшие хирурги Гамбурга, чего еще желать?»

Лили подумала, что есть много такого, что можно было бы себе пожелать, но по лицу Франца поняла, что дальнейшая беседа бессмысленна. И она не могла признаться, что разговаривала с Болтоном, иначе навлекла бы на него неприятности.

Лили вручила Болтону деньги.

– Здесь немного, но это должно помочь, пока он не встанет на ноги. – Она запнулась и почувствовала себя совсем неуютно, едва осознала, что только что сказала. – То есть... я хотела сказать...

Болтон только отмахнулся.

– Откуда вы их взяли?

– Ах, я... – Он ни в коем случае не должен был узнать, откуда у нее эти деньги. Она самым постыдным образом обманула бабушку, сказав, что на курсе собирают деньги для ветеранов франко-прусской войны. Китти Карстен всегда была открыта для патриотических начинаний, и она снабдила внуку весьма приличной суммой. – Это мое дело.

Он снова кивнул и, предусмотрительно оглянувшись по сторонам, сунул деньги в карман рубашки.

– Надеюсь, вы не наделали глупостей и не втянули меня ни во что, – пробормотал он.

Лили сжала губы.

– Если вы считаете меня настолько бестолковой, можете не брать деньги!

Он фыркнул.

– Не дожидаетесь. – Он внезапно запнулся. – А как же вы вырвались из-под домашнего ареста? Сбежали?

Его вопрос стал для Лили последней каплей.

– Я думаю, мы закончили, герр Болтон. Вы не позволите мне пройти? – спросила она.

Он замешкался, но все же отодвинулся и, зацепив большими пальцами подтяжки, насмешливо поинтересовался:

– Больная тема?

Она еще больше посуровела.

– Всего доброго, герр Болтон. Я буду наводить справки о состоянии Пауля Гердера. Надеюсь, что деньги хоть немного помогут. Я уверена, что скоро у него все наладится.

Она повернулась и хотела уйти.

Последние слова Лили сказала из чистой вежливости, но Болтон воспринял их всерьез:

– Ничего уже не наладится. Но вы слишком избалованы, вам этого не понять.

– Что, простите?

Лили обернулась. В этот момент ей больше всего хотелось дать ему пощечину. Что он там себе воображает? Да, они богаты. Но в Гамбурге были семьи гораздо богаче. Существует объективная разница в положении людей, возлагать на ее семью ответственность за это – более чем несправедливо. Посмотрел бы он хотя бы на девочек, с которыми она училась в школе. Софии Ротенбаум прошлым летом подарили кобылу и собственный выезд, а потом еще тиару на день рождения. Настоящая тиара! Тогда как у Лили было всего два ожерелья и пара серег, доставшихся ей по наследству. О собственной лошади она могла только мечтать.

– Вы и понятия не имеете, о чем говорите! – выпалила она.

Он помедлил с ответом, глядя на нее прищуренными глазами, которые казались такими темными под козырьком его картуза, что Лили не могла разглядеть радужки.

– Нет, это вы понятия не имеете, – наконец тихо сказал он, и Лили вдруг почувствовала, как по всему телу пошли мурашки. Болтон откашлялся и приблизился к ней на шаг.

– У вас найдется немного времени? – спросил он.

Она удивленно наморщила лоб.

– Для чего?

– Так найдется или нет?

Лили задумалась на мгновение. Вообще говоря, у нее еще было время – урок фортепиано, где ей полагалось находиться сейчас, должен был закончиться только через час.

– Ну, я думаю, что могу немного задержаться. Но потом мне необходимо вернуться на Ратхаусштрассе! – нерешительно сказала она.

– Мы успеем. Пойдемте! – Он схватил Лили за руку и потащил за собой.

– Эй! – Она стала упираться. – Куда вы меня ведете?

Он остановился и посмотрел ей в глаза.

– Я покажу вам то, о чем вы не имеете понятия.

* * *

Чуть грубее, чем следовало, Йо схватил девушку за руку и потянул за собой. Она высвободилась и маленькими торопливыми шагами пошла рядом, широко раскрыв глаза.

– Если вы собираетесь похитить меня, мой отец не успокоится, пока вас не повесят, – вдруг объявила она. Он весело фыркнул и остановился так неожиданно, что она врезалась ему в плечо.

– Осторожнее!

– Извините. Послушайте, вам не обязательно идти со мной. Вы в любое время можете уйти. – Он поднял руки, чтобы показать ей, что точно не станет ее удерживать.

– Как будто я этого не знаю! – буркнула она и, покраснев от смущения, поправила локон. Йо ухмыльнулся. Да, милашкой ее не назовешь.

– Хорошо, вы идете со мной по собственной воле, так? И никто никого не похищает?

Мгновение она смотрела на него горящими глазами. Тонкие морщинки над ее переносицей собрались в сердитый кружочек.

– Пойдете вы, наконец? У меня не так много времени! – резко сказала она.

– Хорошо, – Йо насмешливо кивнул. – Значит, этот вопрос мы разъяснили.

– А куда именно мы идем, позвольте спросить? – Ее голос все еще был полон сомнения, но уже без былой резкости. Вопрос прозвучал почти испуганно.

– Мы идем к Паулю. Я же вам не мальчишка-посыльный, вы и сами можете отдать ему деньги.

– Но я же его совсем не знаю! – испуганно воскликнула она.

– Вот как раз и узнаете, – ответил Йо так, как будто ее слова не произвели на него никакого впечатления.

Остаток пути они прошагали в молчании. Он и сам не знал, что делает. Что на него нашло? Он притащил девчонку из Бельвю в трущобы, чтобы показать, как люди живут там, будто они какие-то звери из зоопарка? Но по какой-то причине ему было важно, чтобы она поняла. Она была умна и не лишена сочувствия – он хотел, чтобы она увидела своими глазами, как обстояли дела у тех, благодаря которым становилась возможной прекрасная жизнь в доме на берегу Альстера. Он шел, не сбавляя скорости, даже когда видел, что ей трудно за ним поспевать.

* * *

Квартира Пауля находилась поблизости. Йо для того и выбрал вокзал местом встречи, чтобы сразу после этого отправиться к другу. Карманы, полные денег – всегда искушение, и он хотел избавиться от него как можно скорее. Конечно, он не собирался тащить с собой эту напыщенную барышню в шелковом платье. Он мельком взглянул на нее. То, что было на ней надето, вероятно, стоило больше, чем он зарабатывал за год. Еще один странный день, подумал он и пришел к выводу, что такие дни отчего-то всегда были связаны с Карстенами.

Всего через несколько минут ходьбы город заметно изменился. Улицы стали теснее, дорожки уже не были вымощены, дома будто нависали над прохожими, чтобы заслонить солнце. Это был далеко не самый худший район города, но по беглым взглядам, которые Йо искоса бросал на Лили, он видел, что она все равно была потрясена. Он оказался прав в своем предположении: она понятия не имела, какие жуткие миры таил в себе ее прекрасный Гамбург. Чем глубже они заходили в лабиринт переулков, тем ближе она жалась к нему. Неровные булыжники заставляли ее спотыкаться на каждом шагу, к лицу она украдкой прижала надутый платочек. Йо не мог обижаться на нее за это: даже с его притупленным обонянием было непросто терпеть испарения, которые поднимались из гниющих каналов и прежде всего из сточных канав посреди улицы.

Теперь она оказалась к нему так близко, что их руки время от времени случайно соприкасались при ходьбе. Он снова улавливал ее запах – смесь мыла и чего-то цветочного. Он был чем-то похож на запах персиков, которые они часто выгружали в гавани и которые он пробовал раз в жизни. На вкус плод был кислым и незрелым – совсем не таким, как запах, порой исходивший от ящиков. Возможно, она пахла ландышем. Его мать говорила ему, что дамы любят пользоваться ландышевыми духами. Примерно таким он и представлял себе этот запах. Женщины, с которыми он спал, пахли не цветами, а потом и едой, и они определенно не поль-

зовались духами. Раньше ему это не мешало – он не знал, что бывает иначе, но сейчас он был вынужден признать, что это была приятная перемена – то, как она... Внезапно он встрепнулся. Он только что подумал о том, какими духами пользовалась дама, идущая рядом с ним? Да что такое с ним происходит?

– На меня все смотрят!

– Что? – Он остановился, не расслышав ее слов.

Лили тоже остановилась и подняла на него испуганные глаза. Они стояли на оживленной площади у фонтана, окруженные покосившимися фехверковыми домами торговой улицы.

– Все смотрят на меня! – хрипло прошептала она.

Йо нахмурился и посмотрел вверх. За ней и вправду наблюдали – кто-то украдкой, кто-то с откровенным любопытством. Он должен был знать, что так и будет. Барышни вроде нее обычно сюда не заходили. Разве что забредала порой какая-нибудь несчастная в поисках подпольной повитухи – да и та лишь под покровом ночи, в собственной карете и под надежной охраной слуг. Еще ни одна из них не разгуливала вот так по Шпрингельвите среди бела дня в своем вышитом платье. Он посмотрел вниз и заметил грязь на ее расшитых бисером туфлях.

– Думаю, мне не следовало приходить сюда. – Она сделала еще шаг ближе к нему. Лили испуганно смотрела по сторонам и в то же время как будто пыталась спрятаться от взглядов людей.

– Не волнуйтесь. Пока вы со мной, с вами здесь ничего не случится, – самоуверенно заявил он. Конечно, Йо выдавал желаемое за действительное, но ей не нужно было этого знать. Он подавил желание обнять девушку за плечи, чтобы защитить ее. Поняв, что его слова ее не успокоили, он кивнул в сторону мясной лавки на углу.

– Я здесь вырос. Я всех здесь знаю. Видите вон того толстяка, который поглядывает в окно, притворяясь, что сортирует колбаски? – тихо спросил он.

Она неуверенно кивнула.

– Это мой приятель, Хауке. – Йо поднял руку, и мужчина, все еще с крайне деловым видом, мгновенно кивнул в ответ.

Она непонимающе нахмурилась.

– А вот там слева, у фонтана, – сказал Йо, даже не глядя туда, и ее голова повернулась в другую сторону, – сидит Август. Я знаю его полжизни.

Плотный чернокожий мужчина, примостившись в тени, ел пончики из свернутой в кулек газеты, отгоняя мух, которые жужжали вокруг. Лили зачарованно смотрела на него – наверное, ей нечасто доводилось видеть таких людей. Перехватив взгляд спутницы Йо, Август усмехнулся почти беззубой улыбкой и подмигнул ей.

Она вздрогнула.

– Он безобиден. Для тех, кто его знает, – уточнил Йо, и зрачки девушки расширились от ужаса. Он усмехнулся и объявил: – Я знаю здешних. Конечно, не всех и, разумеется, среди них есть плохие люди. Вам ни в коем случае не следует приходить сюда одной, слышите? Но сейчас вы со мной. Поверьте мне, в одиночку вы просто не зашли бы так далеко в трущобы, еще на подходе нищие повисли бы на ваших юбках... если бы на вас все еще были юбки. – Сказав это, он немедленно ощутил приступ стыда, потому что увидел, как она побледнела. – Но стоит кому-то напасть на нас, нам сразу же помогут. Кроме того... – он усмехнулся и объявил:

– Я могу постоять за себя.

Казалось, Лили не впечатлили его слова.

– Если вы знаете здесь всех... Почему они не подходят поздороваться? – спросила она.

– Ну так... – Йо смущенно почесал голову под картузом. – Здесь знают, что я не стал бы просто так разгуливать по улицам с женщиной вроде вас. Они исходят из предположения, что мы здесь по делу. Или... – Он замялся.

– Или что? – спросила она удивленно.

– Ну, кто-то может решить, что ваш наряд – для маскировки и что я плачу вам... за определенные услуги. – Он рассмеялся, увидев ее возмущенное лицо. – Успокойтесь, так нас, по крайней мере, оставят в покое.

Она открыла было рот, чтобы возразить, но тут кто-то потянул ее за платье, и она испуганно обернулась. Это был маленький мальчик, грязный и тощий, как скелет. По его желтоватым белкам глаз и хриплому дыханию Йо понял, что малыш болен. Было грустно видеть эти редкие волосы и впалые виски – должно быть, ребенку не было и десяти, а выглядел он как старик. Скоро он, вероятно, заползет под лестницу в одном из вонючих дворов и больше никогда не проснется. У людей здесь были настолько похожие судьбы, что они сливались в некий безымянный ужас. Даже самым бедным всегда было куда падать, и малыш оказался в самом низу, а может, он был там всегда.

Мальчик умоляюще протянул ладонь. Лили попятилась, когда он подошел ближе, и наткнулась на Йо. Тот машинально придержал ее за запястье и мог почувствовать, как участился ее пульс.

– Чего он хочет? – прошептала она.

Мальчик говорил на местном диалекте, и его хриплый голос создавал дополнительные трудности для понимания.

– Это уличный оборвыш, он просит денег. Уходи, у нас для тебя ничего нет! – сказал Йо на том же жаргоне – не то чтобы недружелюбно, но твердо. Он видел себя в каждом из здешних мальчишек и, если ему было чем поделиться, всегда помогал им.

Но это случалось нечасто.

Каждый боролся здесь за себя. У Йо были братья и сестры, которым тоже надо было есть.

– Мне, к сожалению, нечего тебе дать! – сказала Лили. Она высвободила руку и сделала шаг навстречу мальчику. Йо с удивлением заметил, что она, преодолев свой страх, улыбалась малышу. Мальчик нахмурился и покосился на Йо. Лили, которая до этого наклонилась над мальчиком, снова выпрямилась.

– Слушайте, мы можем что-то ему дать? – спросила она.

– Стоит один раз дать кому-то одному и к вам придут они все. Смотрите, вон там уже поджидают следующие! – Йо указал на угол, где рядом с тележкой, полной рыбы, притаились двое мальчишек постарше, глядя на них во все глаза. – Не стоит, за нами полрайона будет таскаться.

– Вдобавок мне нечего ему дать, – грустно сказала Лили. – Но малыш выглядит таким больным и истощенным! – Казалось, мгновение она размышляла, над ее переносицей вновь появился маленький кружочек, когда она задумчиво нахмурилась. – Может, скажем ему, чтобы он незаметно шел за нами, пока мы не ускользнем от толпы? – внезапно спросила она.

Йо удивленно посмотрел на нее.

– Это еще зачем?

– Есть идея!

– Не уверен, что хорошая, – возразил он. Затем снова посмотрел на мальчика. От его хриплого дыхания становилось не по себе – оно напомнило Йо о том, чего он не хотел вспоминать. На секунду ему показалось, что он снова чувствует пальчики Лени на своем запястье. Наконец он пожал плечами. Что бы Лили ни имела в виду, если она знает, как раздобыть малышу хорошей еды перед смертью, пусть хотя бы попробует. Понизив голос до шепота, Йо кратко объяснил мальчику, что он должен делать.

– Отделайся от них! – предупредил он, кивком указав на старших мальчишек. Малыш повернулся и ушел, не сказав ни слова. Но Йо знал, что он скоро их нагонит. И действительно, не прошло и пяти минут, как он внезапно вынырнул из темного переулочка.

Увидев мальчика, Лили подошла к нему.

– Вот ты где! Я сейчас, – Йо с изумлением смотрел, как она сняла свои маленькие жемчужные сережки и протянула их ребенку.

– Вы никак рехнулись? – прошипел он и, оказавшись рядом, схватил ее за руку. – Они слишком дорогие!

– Не трогайте! – возмутилась она, но Йо не отступил:

– Вы в своем уме? Они стоят таких денег, которых этот ребенок в жизни своей не видел. Она воспользовалась другой рукой, чтобы высвободиться, и случайно поцарапала его.

– Черт! – Он выругался, и она вывернулась из захвата.

– Они мои, и я могу с ними делать все, что захочу! – заявила она в свое оправдание.

– Можете, разумеется! – рявкнул Йо, избегая смотреть на свою расцарапанную руку. – Но зачем терять столь ценную вещь впустую?

– Я не считаю, что это впустую.

Мальчик стоял перед ними, широко раскрыв глаза, и наблюдал за их ссорой.

– Послушайте! – сказал Йо, немного смягчившись, и снова схватил ее за руку. – Лили, мальчик смертельно болен. С тем же успехом вы можете выбросить серьги в сточную канаву!

Она не отвечала, только молча смотрела на него, и через несколько мгновений, когда от взгляда этих голубых глаз у него действительно побежали мурашки по спине, Йо ослабил хватку и наконец выпустил ее руку из своей. Она поправила волосы и, наградив его сердитым взглядом, подошла к мальчику и отдала ему серьги. Малыш какое-то время недоверчиво смотрел на свою грязную руку, в которой жемчуг сверкал, как снег поверх золы, затем поднял глаза на Лили. Наконец он отвернулся и побежал прочь на кривых ногах, прокричав им что-то напоследок.

– Что он сказал? – Лили с любопытством посмотрела на спутника.

– Сказал, что вы не в своем уме, – проворчал Йо, угрюмо глядя на четыре кровавые царапины, которые она оставила у него на предплечье. – Как вам это удалось, в перчатках-то?

– Ох! – Лили выглядела разочарованной. – Я думала, он сильнее обрадуется.

Йо фыркнул. Ее наивность просто поражала.

– А чего вы ожидали? Что он падет перед вами на колени? Эти дети наполовину животные.

– Ничего я не ожидала, – парировала она, а затем отвернулась и гневно двинулась прочь.

– В другую сторону! – крикнул ей вслед Йо, и она остановилась на мгновение, гневно сжимая кулаки, а затем развернулась и пошла в другую сторону. Он молча последовал за ней.

Какое-то время они шли бок о бок в молчании. Наконец он не выдержал.

– Это было глупо! – выпалил он. – По-настоящему глупо!

– Почему же? – резко спросила она.

– Потому что это было слишком щедро. Он не уйдет далеко с этим вашим подарком – как только он попробует на что-нибудь его обменять, у него отберут деньги. Или даже сами сережки, тут как повезет. Здесь за копейки перегрызают друг другу глотку. Каждый день. Эти серьги подвергают малыша большой опасности.

Она побледнела при этих словах.

– Я не знала.

– Конечно нет. Поэтому я и хотел вам помешать! Но вам вечно нужно настаивать на своем любой ценой.

– Вы совсем меня не знаете!

– Я знаю вас достаточно, чтобы прийти к выводу, что вы не умеете слушать людей, которые знают больше вашего. Мы не в Бельвию и не на Эльбшоссе, здесь царят другие законы, и если вам они не знакомы, то лучше прислушиваться к советам тех, кто их знает. Семье Пауля могли бы пригодиться эти деньги, вы не думали об этом?

– Я... нет, я не... – растерянно залепетала она, заливаясь румянцем.

– Не имеет значения, Паулю уже не помочь, как и мальчику, который вот-вот умрет или от воды в легких, или от глистов, пожирающих его внутренности, – перебил ее Йо. – Может, благодаря вашему легкомыслию он неплохо проживет пару недель, а может, уже сегодня вечером будет лежать в канаве с перерезанной глоткой – кто знает.

Он остановился и сердито постучал кулаком по обшарпанной двери.

– Мы пришли!

* * *

Переступив порог дома, Лили в изумлении замерла. Повеяло разложением, и вдобавок к этому ей навстречу всколыхнулись влажные слои пара. Воздух, казалось, одновременно кипел и струился, словно она вошла в дымящуюся пещеру. Рябой мужчина, что открыл им дверь, молча попятился в темный коридор. Болтон не стал ее дожидаться и устремился вверх по лестнице, перемахивая через две ступеньки за раз и стуча своими тяжелыми ботинками. Боясь в темноте коридора упустить его из виду, Лили поспешила следом.

– Что с воздухом? – спросила она, с трудом переводя дыхание – грудь вздымалась и опускалась, распирая корсаж. – И откуда эта вонь?

– Внизу мясная лавка! – объяснил Йо. – Сейчас слишком жарко, мясо гниет. И кроме того... – Он указал на покосившуюся деревянную дверцу в глубине лестничной площадки: – Отхожее место.

У Лили вся кровь отхлынула от щек.

– Оно... сломано?

Болтон громко рассмеялся.

– Это бы еще ничего! Так пахнет в каждом доме – их опорожняют раз в неделю. Здесь относительно нормально, люди рады уже тому, что им не надо переходить через улицу, чтобы справить нужду. В некоторых домах одна уборная на всю округу.

Лили не ответила, только достала из сумочки носовой платок и прижала его к носу, надеясь, что Болтон не заметит.

– А откуда эти влажные пары?

Платье прилипало к телу, и краем глаза она заметила, как бешено выются у лица выбившиеся из прически локоны.

– Прачечная во дворе. Послушайте, – он запнулся, – я не знаю, как семья отреагирует на вас...

Ее охватил страх. Болтон все это время вел себя уверенно, а теперь он, казалось, засомневался, стоило ли брать ее с собой. Что ее ждет? Не прогонят ли ее? Он, нахмурившись, посмотрел на ближайшую к ним дверь.

– Давайте я пойду вперед и по-быстрому с ними переговорю, а потом вернусь за вами, – сказал он. Не дожидаясь ответа, он подтолкнул девушку к стене, чтобы ее нельзя было увидеть из комнаты.

– Но... – Лили хотела возразить, но он приложил к губам палец, призывая ее к молчанию, и дважды постучал в дверь.

Внезапно Лили осталась в коридоре совсем одна. Она огляделась. «Что я здесь делаю, в самом деле?» – спросила она себя. День пошел совсем не по плану. Она тяжело дышала и чувствовала, как по бедрам и шее стекают струйки пота. «И как люди это выносят?» – думала она. Несмотря на то, что снаружи уже смеркалось, здесь было невероятно душно, и влажный воздух со двора, казалось, забивал все поры. Когда она попыталась подслушать, что происходит в квартире, на ее слух обрушились разом все звуки дома: голоса десятков семей смешивались с топотом и криками с заднего двора, с шумом улицы, детским смехом, криками и лаем собак. Кроме вони гниющего мяса, которая наверху уже не казалась столь ужасной, и отврати-

тельными испарениями из уборной, она уловила запах еды. Картофель, капуста и... она принюхалась... определенно фасолевый суп. Было время ужина.

Через маленькое окошко она разглядела простыни и одежду, сохнувшие на веревках, которые на разной высоте были натянуты между домами. Внизу было шумно. Краснолицые женщины в платках склонялись над кипящими чанами и палками ворочали в них ткани. Катки для белья со скрипом выполняли свою работу. Какое-то время она наблюдала за происходящим, завороченная странным миром, представшим перед ней. Невероятно, что отсюда до Бельвю можно было добраться всего за час.

– Эй!

Она обернулась и встретила хмурый взгляд Болтона, который выглядывал наружу, держась одной рукой за косяк.

– Вы идете?

Лили неуверенно заглянула в комнату за его спиной.

– Что они вам сказали? – прошептала она.

– Немного. Даю совет – когда будете с ними разговаривать, не стоит прижимать платок к лицу.

– За кого вы меня принимаете? – рассердилась Лили, возмущенная до глубины души. – Уж точно не вам меня учить, как себя вести!

Она вскинула брови и, ни говоря больше ни слова, переступила порог квартиры. Здесь Лили пришлось соглотнуть. Несмотря на сырость, во рту у нее внезапно пересохло, от приступа паники перехватило дыхание. Она пригладила непослушные кудри, тайком вытерла пот со лба, спрятала платок в вырез платья и вошла вслед за Болтоном.

* * *

Запах с порога нахлынул на нее едкой, удушливой волной, и Лили машинально прикрыла рот рукой. По сердитому взгляду Болтона она поняла, что запах исходил от раны Пауля Гердера. Она замерла на мгновение, затем медленно опустила руку. Щеки пылали от стыда.

Она понимала, что квартира будет простой, даже бедной. Но темная комната с низким потолком, на пороге которой она стояла, превзошла ее худшие ожидания. Судя по всему, она служила одновременно гостиной и спальней. Вдоль стен стояли две железные кровати, остальную меблировку составляли комод и обеденный стол. Вещей почти не было. За ужасным смрадом от раны едва можно было различить кислый запах капусты и прогорклого жира. На одной из кроватей, устало прикрыв глаза, лежал бледный Пауль Гердер. На другой сидели мальчик и девочка, глядя на Лили во все глаза. Женщина, дежурившая у ложа больного, поднялась навстречу гостье.

– Закройте дверь, – сказала она, подходя к ним. Но тут из угла комнаты послышалось хныканье. Из открытого ящика комода торчала крошечная ручка. Женщина резко повернулась и вытащила ребенка из ящика, по всей видимости, служившего ему колыбелью. Она взяла ребенка на руки, успокаивающе похлопывая его по спине, а затем протянула маленькой девочке.

– Мари, Хайн, возьмите малыша и идите на улицу! – приказала она.

Лили сделала шаг навстречу женщине.

– Фрау Гердер, меня зовут Лили Карстен. Ваш муж пострадал при попытке помочь мне. Это был несчастный случай, но я чувствую свою ответственность. Я очень сожалею о том, что произошло! – неловко выпалила она.

Женщина выглядела изможденной и удрученной горем, вокруг глаз залегли глубокие тени.

– Я верю, что вы сожалеете. Но мужу это не поможет, – сказала она, и Лили содрогнулась. – Рана воспалилась, ему очень плохо. У него лихорадка, – объяснила она, повернувшись к Йо, снявшему картуз.

– Разве он не должен быть в больнице? – спросила Лили и тут же прикусила язык, потому что фрау Гердер немедленно повернулась к ней.

– Конечно, должен, но кто ему это оплатит? – прошептала она.

Лили пристыженно опустила глаза, кулаки ее гневно сжались. Франц даже о лечении не позаботился как следует. И что хуже всего – Лили даже не позволялось упрекнуть его в этом.

Болтон подошел к женщине, чтобы ее успокоить.

– Мы пришли, чтобы помочь, Альма. – Он достал деньги из кармана и протянул их фрау Гердер.

– Здесь немного, – пролепетала Лили. – Но я подумаю, что можно сделать, чтобы собрать еще.

Этого не следовало говорить. Новых возможностей раздобыть денег у нее не предвиделось. Одна потеря дорогих сережек будет стоить ей больших неприятностей.

Побледнев, фрау Гердер взяла у Йо кошелек, а затем, сурово сжав губы, кивнула Лили. Девушка видела, что дружелюбие давалось жене Пауля с большим трудом. Женщина быстро спрятала деньги в карман фартука.

– Спасибо, – сказала она, не глядя Лили в глаза. – Вам лучше уйти. Он кричит, когда просыпается, вам не стоит этого слышать.

Лили кивнула.

– Конечно, как вам будет угодно, – тихо сказала она. Болтон, помрачнев, быстро шагнул к кровати и сжал руку Пауля Гердера. Затем гости направились к выходу, но когда они были у двери, фрау Гердер поспешила к ним.

– Это было грубо с моей стороны. Благодарю вас, что вы пришли, фрау Карстен. Немногие бы так поступили. Я знаю, что это был несчастный случай. Только... – Она не смогла закончить, ее глаза наполняли слезы отчаяния. Лили порывисто взяла руки женщины и сжала их. Они были холодными как лед.

– Я сделаю для вашего мужа все, что смогу, – пообещала она хрипло. Мгновение они молча смотрели друг на друга, затем фрау Гердер кивнула.

– Спасибо.

* * *

В полном молчании они спустились по лестнице. Выйдя на улицу, Лили споткнулась о камень, и Йо схватил ее за руку. Она высвободилась, и, к своему удивлению, он увидел, что она борется со слезами.

– Теперь вы довольны? – спросила она. – Мне стыдно до глубины души. Вы этого хотели добиться?

Мгновение Йо неуверенно смотрел на нее.

– Я не собирался вас стыдить. Я хотел, чтобы вы поняли, – наконец тихо проговорил он. – Здесь нет вашей вины, это был несчастный случай. И во всем остальном виноваты не вы.

Она кивнула и вытерла слезы, струившиеся по щекам.

– Я ничего не могу сделать, – выдавила она из себя, и он кивнул.

– Вы и не должны... Но все же не стоило обнадеживать их обещаниями понапрасну.

– Я не могла иначе!

– Да, я понимаю, – сказал он. И он действительно понимал.

– Мне лучше уйти. – Она отвернулась, пряча лицо. Видимо, она стыдилась слез.

Мгновение он с беспокойством смотрел на нее. О чем он только думал, когда привел ее сюда?

– Я вас провожу.

На обратном пути он то и дело искоса на нее поглядывал. Слезы не прекращались, но она казалась не столько грустной, сколько сердитой. Каждые несколько минут она вытирала лицо носовым платком, который успел набухнуть от влаги и испачкаться. Йо мучительно подбирал слова, которые могли бы ее утешить, и, к своему изумлению, понял, что сказать ему нечего. Он чувствовал себя виноватым из-за того, что она плакала, и сбитым с толку, потому что не знал, как ее успокоить.

Когда дома расступились и спутники увидели воды Альстера, Лили вдруг сказала:

– Дальше я знаю дорогу. Спасибо, что проводили! – Голос был холодный, отчужденный. Она злилась на него. И ее можно было понять.

– Я пойду с вами дальше, – настаивал он, но она лишь покачала головой.

– Мне нужно побыть одной. Собраться с мыслями. Прощайте, герр Болтон! – с этими словами она оставила его – подобрала юбки и пошла, почти побежала по улице и скрылась за первым же углом.

Сбитый с толку, Йо почесал голову под кепкой. Потом пожал плечами и повернул назад. Теперь, когда ему больше не нужно было думать о Лили, он свернул в подворотню, и темнота поглотила его. Большая часть гамбургских трущоб была подобна туннелям, настолько застроенными были коридоры и переходы между тысячами дощатых бараков. Йо часто пользовался этими длинными узкими проходами, чтобы срезать путь к удаленным улочкам и внутренним дворам. Но даже он не чувствовал себя здесь в безопасности. Коридоры, по которым часто можно было пройти, только пригнувшись, были слишком темными и грязными. Здесь жили беднейшие из бедняков – зеленщики, чистильщики обуви, уборщики и мошенники всех сортов, с которыми лучше никогда не сталкиваться.

Спустя примерно четверть часа, когда Йо вынырнул из подземного мира в конце Шпиталерштрассе и свернул за угол, он заметил кучку зевак и, заинтересовавшись, подошел ближе.

Маленький мальчик неподвижно лежал на земле. Глаза с желтоватыми белками смотрели в темнеющее небо, будто разглядели там нечто, во что невозможно было поверить. Йо надеялся, что это было именно так. Если есть на свете хоть какая-то справедливость, малыш должен был сейчас наслаждаться королевским пиром в компании ангелов.

А если нет, мальчик умер за пару сережек.

Йо посмотрел на мальчика, чья голова лежала на камнях под странным углом. Ярко-красная кровь медленно пропитывала землю, расплзаясь между камнями, как в прожилках листа.

Он стиснул зубы и отвернулся. Толпа тоже начала расходиться. Мертвый уличный мальчишка мог ненадолго привлечь внимание прохожего, но особого волнения или даже сочувствия он не вызывал. Здесь каждому хватало собственных страданий. Может быть, кто-то вызвал полицейских, которые заберут малыша, может быть, наутро об этом позаботятся дворники. И только. Мальчик все равно скоро бы умер, подумал Йо, стараясь не думать о его маленьких, тонких ручках, ввалившихся висках и хриплом дыхании. И все-таки он чувствовал странную боль в сердце. Возможно, оно и к лучшему, сказал он себе, сворачивая на Штайнштрассе и исчезая в очередном темном проходе. Что это была за жизнь? Он изо всех сил старался отогнать назойливые образы из прошлого. Думал о свих братьях и сестрах и был вдвойне благодарен за то, что они дома, в безопасности, не в недостатке, зато в тепле и сытости. Вдвойне благодарен за свою работу, которая хотя и требовала усилий, зато спасала его братьев и сестер от участи этого мальчишки.

Может быть, Чарли в баре, подумал он, перемахнув через небольшую стену и закуривая сигарету. Ему срочно нужно было выпить.

Все равно он не сможет сегодня заснуть.

Лили скинула туфли, бросила на кровать расшитую бисером сумочку и принялась нервно вытаскивать шпильки из волос, больно дергая себя за пряди. Управившись с прической, она какое-то время беспокойно расхаживала по комнате. А затем вдруг остановилась, опустилась на стул перед камином и несколько мгновений так и сидела там. Снаружи успело стемнеть, и над водами Альстера поблескивала луна.

В комнате царил полумрак, Зеда еще не зажгла масляных ламп. Большой шкаф с одеждой, комод в стиле бидермейер, на котором были разложены предметы туалета, книжная полка. У нее было столько вещей! И целая комната для нее одной. Она принимала все это как данность, даже иногда чувствовала себя обделенной, считая, что комната могла бы быть попросторней. У Франца, например, было несколько комнат, как и у родителей. Даже комната Михеля была больше – у него было много игрушек и ему нужно было пространство, чтобы «побеситься», как называла это мать.

На мгновение Лили попыталась представить, что живет в одной комнате со всей своей семьей, но у нее ничего не вышло. Она беспокойно поднялась со стула, подошла к умывальнику и, налив в миску воду из кувшина, умыла лицо. Когда она подняла глаза, ей показалось, что из зеркала на нее смотрит совсем другая Лили.

Она вдруг почувствовала себя такой... потерянной. Ведь это было верное слово?

Послышался стук в дверь, и в проеме показалось лицо матери.

– Милая, я принесла тебе ужин.

Лили улыбнулась. Она никогда в жизни не видела мать с подносом.

– Ты принесла мне ужин?

– Ну... – Мать открыла дверь до конца, и из-за ее спины вынырнула Зеда с чашками и тарелками. – Руками Зеды. – Зильта улыбнулась своей маленькой шутке.

– Но я могла бы спуститься вниз!

Лили быстро убрала книги со стола, чтобы горничная могла поставить туда тарелки. Суп, немного мяса с овощами, пудинг и компот на десерт. По будням они всегда ели на ужин «простую еду», как называла ее мать.

Но сегодня эти блюда не показались Лили такими уж простыми.

– Мы подумали, что тебе здесь будет удобнее, тем более что в столовой уже все убрали. Ты еще никогда не возвращалась так поздно. Я поговорю с фрау Рот, это не должно войти у нее в привычку!

Мать опустилась на стул у камина и кивком отпустила Зеду. Кровь бросилась Лили в лицо, ей вдруг стало одновременно холодно и жарко. Только бы ее обман не раскрылся! Она торопливо откусила кусочек мяса и тут же подавилась.

– Ну-ну, не торопись! Проголодалась? – спросила мать, слегка похлопав ее по спине, а затем протянула ей стакан лимонада.

Лили кивнула, моргая слезящимися глазами.

– Я целую лошадь готова съесть! – сказала она, все еще кашляя. Зильта изумленно округлила глаза, а потом рассмеялась.

– Откуда эти выражения? Ты разговариваешь как портовый грузчик! Смотри, не скажи так при отце!

Лили подцепила вилкой горошину.

– Ни в коем случае! – ответила она, и они обменялись заговорщицкими улыбками. Зеда между тем зажгла лампы и расставила по комнате несколько свечей. В этом теплом, трепетном свете мать Лили выглядела юной и очень красивой. Зильта встала, поцеловала дочь в щеку, пахнущую ландышем, и подошла к двери.

– Милая, спи спокойно. Мне нужно еще проведать Михеля, он сегодня... – Мать вдруг замолчала на полуслове, и Лили подняла на нее удивленный взгляд. На лице Зильты появилось странное выражение.

– Что? Что он сделал сегодня? Мама, тебе плохо?

– Что с твоими туфлями? – Зильта недоуменно смотрела туда, где стояла ее кровать.

Лили проследила за ее взглядом и чуть не подавилась картофелем. Ее расшитые бисером туфельки, испачканные дорожной грязью, валялись на ковре у всех на виду.

– О, я... – выдавила Лили, лихорадочно ища правдоподобное объяснение. – Я хотела срезать несколько роз, чтобы поставить их на стол, и случайно зашла слишком далеко! – выпалила она.

Зильта покачала головой.

– Лили, ну в самом деле! В дорогих туфлях. Ты же могла распорядиться, тебе бы принесли.

– Я не подумала, прости, – ответила дочь тихо, ощущая, как бешено колотится сердце.

– Ты не находишь, что в последнее время ты слишком часто «не думаешь»? – строго спросила Зильта. Но затем снова смягчилась, – Ладно, в конце концов, это всего лишь туфли. Я попрошу Зеду почистить их.

Лили кивнула, но больше не осмелилась ничего сказать.

Закрыв за собой дверь комнаты Лили, Зильта замерла, нахмурившись. У нее на столе не было никаких роз, вспомнила она, все еще держась за ручку двери. Затем пожала плечами. Пора было навестить Михеля. Конечно, словам дочери должно быть какое-то объяснение. Возможно, Лили просто забыла про цветы, когда в голову ей пришла новая затея. Зильта тихо вздохнула. Девочки в этом возрасте – та еще загадка. Она и сама такой была. Нет, она не могла сердиться на дочь, Лили просто была рассеянной. Умышленно непослушной она не была.

Глава 6

Лили вышла из кареты перед зданием, где происходили занятия, и с легкой улыбкой приветствовала Анну-Марию Фербаум, которая, опередив ее на несколько минут, уже поднималась по лестнице. Даже с этого расстояния Лили заметила, что на однокурснице было новое платье. Анна-Мария шла подчеркнуто медленно, с прямой спиной, чтобы мальчишки со школьного двора могли как следует ее разглядеть. Гимназисты были почти одного возраста с многими курсистками, которые выпустились из лицея в пятнадцать или шестнадцать лет и сразу записались на курсы для учительниц. Во время занятий барышни были строго отделены от юношей, но во дворе, куда они выходили на перемену, все были более чем осведомлены о близости противоположного пола. В частные гимназии ходили лучшие – и богатейшие – сыновья гамбургских семей. Именно этим и объяснялось поведение Анны-Марии.

Лили, приподняв брови, смотрела на девушку, которая была лишь немногим моложе нее. Талия Анны-Марии казалась неправдоподобно тонкой, а на шее висела широкая шелковая лента со сверкающим кулоном.

– Вот воображала! – прошептала Лили. Она недолюбливала Анну-Марию, и это чувство было взаимным. Ну что за нелепость – одеваться так на занятия!

Когда карета отъехала, Лили вспомнила, что первым уроком сегодня была гимнастика. Тяжело вздохнув, она направилась к большому залу – физическую активность она ненавидела и надеялась, что им хотя бы не придется снова делать все эти ужасные упражнения на брусьях и на перекладине. Она вечно позорилась при их выполнении, падала и набивала синяки, за которые Зеда по вечерам бранила всех на чем свет стоит – горничная считала гимнастику неприличной и не могла поверить, что будущие учительницы Императорского института обучались в том числе физкультуре.

– Это против законов природы! – твердила она. – Ты испортишь себе здоровье, пойдешь к врачу, но будет уже слишком поздно! Так и бесплодной можно стать – да-да, такое случается, если все время падать на живот. Я считаю, это просто возмутительно!

Лили молчаливо с ней соглашалась. Но не потому, что считала гимнастику неприличной, а потому, что попросту не выдерживала нагрузок.

Обогнув кусты сирени, Лили вышла на посыпанную гравием дорожку, по которой гимназисты срезали путь на луг, и оказалась совершенно одна среди кустов и деревьев. Место было просто чудесным. С каким удовольствием она осталась бы здесь вместо того, чтобы идти на ненавистный урок. Села бы у реки и читала... Но тут огромная ручища внезапно зажала ей рот.

Лили хотела закричать, но у нее перехватило дыхание, и она не смогла выдать ни звука. В панике она забилась в чужих руках, пытаясь освободиться, но ее грубо обхватили за талию и потащили в кусты.

– Тихо, девочка! – пробурчал чей-то низкий голос.

Лили и не думала слушаться. Вцепившись пальцами в руку мужчины, она попыталась его оцарапать, но он слишком крепко ее держал.

– Эй, спокойно! Я не причиню тебе зла!

Брыкаясь изо всех сил, Лили попала ему по голени. Мужчина крикнул, когда почувствовал удар тяжелого каблука, но ни на миллиметр не ослабил хватку. Не отрывая руки от ее рта, он грубо развернул девушку к себе и прижал ее к дереву, так что теперь они оказались лицом к лицу.

Лили смотрела на него, широко распахнув глаза. Ей не хватало воздуха, она лихорадочно вдыхала и выдыхала через нос. Мужчина был огромным, широкоплечим, с кольцами в ушах и с растрепанной рыжей гривой. Его руки были сверху донизу покрыты татуировками с неизвестными ей символами.

– Молчи, кому говорят! – снова пробурчал он. – Меня послал Йо.

Лили ошеломленно посмотрела на незнакомца. Мысли лихорадочно металась в голове. Она не понимала, что происходит. Его отправил Болтон? Паника мешала ей ясно рассуждать, но все же она отметила про себя, что мужчина говорил с иностранным акцентом.

– Если я тебя сейчас отпущу, ты ведь не станешь устраивать переполох? – спросил он. Одна его рука сжимала шею девушки, как тиски, другая все еще зажимала ей рот, так что хотя он и не связывал ее по рукам и ногам, она все равно не могла пошевелиться. Его глаза искрились весельем. Происходящее явно его забавляло.

Лили испуганно кивнула.

Когда он осторожно опустил руки, готовый, стоит ей закричать, схватить ее крепче прежнего, на лице у него вдруг появилась широкая ухмылка.

– А Йо не преувеличивал – ты и вправду та еще штучка! – сказал он.

Лили вытерла рот рукой.

– Как вы смеете! Кто вы? – закричала она.

Он испуганно огляделся по сторонам и сделал к ней движение, намереваясь снова ее схватить. Она поспешно сделала шаг назад, отступая дальше в кусты, и чуть не упала, но он успел схватить ее за руку.

– Черт возьми, не так громко! Я же сказал, что не причиню тебе вреда, – теряя терпение, скомандовал незнакомец. – У меня для тебя новость.

Сердце Лили по-прежнему бешено колотилось, молотом отдаваясь в висках. Когда, как следует ее разглядев, мужчина заметил, какого страху навел, он вдруг рассмеялся.

– Не дрейфь, малышка! Йо – мой лучший друг. Извини, если вел себя грубо. Не мастак я заговаривать с барышнями на улице. Ты бы убежала от меня с криками. Мне говорили, что при первой встрече я произвожу не самое лучшее впечатление.

– Что ж, кто бы вам это ни сказал, он был прав! – сердито заметила Лили. Ее собеседник снова захохотал.

– Возможно! – признал он, блеснув глазами. – Но еще я где-то слышал, что не следует судить о характере человека по его внешности.

– Вы только что силой затащили меня в кусты. Я бы сказала, что этого достаточно, чтобы сделать определенные выводы о вашем характере. – Лили и сама не знала, где успела набраться храбрости, чтобы столь дерзко вести себя в таком положении. Впрочем, собеседник сказал, что его прислал Болтон, и это немного ее успокаивало. – Так кто вы и что вам нужно? У меня нет при себе денег!

Прежде, чем он успел ответить, рядом с ними внезапно послышались голоса. Мужчина молниеносно сгреб ее в охапку, зажал рот рукой и потащил в кусты. Там они и стояли, не шевелясь, пока мальчишки не прошли мимо, громко споря об исходе футбольного матча. Мужчина еще некоторое время прислушивался, прижав ее к себе, а затем отпустил. Она быстро попятилась и снова с отвращением вытерла рот. От мужчины воняло потом и пороком.

– Если бы мне нужны были деньги, я не стал бы тащить тебя в кусты, а сразу бы приставил нож к твоей тонкой шейке, лапочка! – сказал он весело, но не злобно. Девушка ответила ему испуганным взглядом. Когда же он вслед за тем запустил руку в карман, она в панике отступила назад, но вместо ножа он вытащил небольшой клочок бумаги и протянул ей. – Йо передает привет.

Лили дрожащей рукой взяла у него записку и развернула ее. Девушка все еще была в полном замешательстве. Как собеседник узнал, что она здесь? Как он мог догадаться, что она пойдет одна через это место? Она пробежала глазами записку и в ужасе подняла руку ко рту.

– О нет! – потрясенно воскликнула она. На вырванном из газеты клочке бумаги корявым почерком было написано всего несколько слов:

«Пауль умер вчера. Подумал, что вы должны знать. И. Болтен».

– О нет, этого не может быть! Я думала, он идет на поправку. – Лили не могла отвести взгляда от записки. Она чувствовала, как на глаза наворачиваются слезы, и остатки самообладания стали покидать ее. На мгновение у нее закружилась голова.

– Где... – хотела спросить она, но, подняв голову, осеклась и в замешательстве огляделась по сторонам.

Мужчина исчез.

* * *

Чуть позже Лили выбралась из кустов возле гимнастического зала и, выдернув пару веточек из волос, на глазах у кучки изумленных гимназистов невозмутимо расправила грязное платье. Молодые люди что-то кричали ей вслед, спрашивали, не нужна ли ей помощь, но Лили, не замечая ничего вокруг, поспешила к зданию.

Остаток дня девушка провела словно в трансе. На гимнастике она столько раз падала с брусьев, что учитель в конце концов решил, что ее беспокоит ежемесячное недомогание, и посадил ее на скамью. Во время других занятий было не лучше: она ни слова не могла воспринять из речи учителя. Герр Кляйнляйн даже отчитал ее за рассеянность, но она и бровью не повела. Обеспокоенные состоянием подруги Эмма и Берта несколько раз спрашивали ее, все ли в порядке, но она только кивала. В ее голове крутилась лишь одна мысль: Пауль мертв.

На ее совести была человеческая жизнь.

* * *

Альфред Карстен вышел из Розенхофа, перешел улицу и остановился у воды. У него вошло в привычку задерживаться здесь в полдень на несколько минут, если позволяла погода – чтобы перекусить и подумать. Он медленно опустился на скамейку и окинул взглядом корабли. Пересчитал флагштоки, посмотрел в небо, замороженный полетом чаек. Многочисленные эверы и баржи, сотни парусников, существовали по отдельности и вместе как отдельные элементы макрокосма, известного как «гамбургский порт». Эта картина всегда его впечатляла. За последние тридцать лет количество товаров, ввозимых по воде, утроилось. Чем больше Латинская Америка освобождалась от колониального гнета Португалии и Испании, тем более интенсивными становились ее отношения с континентом. Кроме того, промышленность портового города все больше ориентировалась на экспорт. «Сейчас самое время покончить с порто-франко» – подумал Альфред. Какая может быть свобода без свободной торговли?

Большую часть доходов Империи составляли таможенные пошлины. Поскольку Гамбург был от них освобожден, городу пришлось выплачивать компенсацию. Несколько лет назад отступные снова повысили – на сей раз до колоссальной суммы в пять марок на жителя. При мысли об этом Альфред покачал головой. Нелепость.

Он был убежден, что введение пошлин стало бы верным разорением для Гамбурга. Статус свободного порта был необходим для торговли. Но Бисмарк приставил им нож к горлу, включив Сент-Паули и Альтону в имперскую таможенную зону. Все протесты были проигнорированы – жестокая мера была приведена в исполнение, несмотря на то, что подавляющее большинство крупных предпринимателей были против насильственного присоединения. Особенно судовладельцы, экспортеры, торгующие с Америкой, импортеры облагаемых пошлиной товаров вроде чая и кофе, а также оптовики и компании, производившие товары на экспорт. Даже они не смогли повлиять на ход событий. Таможенные границы чрезвычайно усложняли

торговлю, поэтому в последние тридцать лет большинство компаний сосредоточивались в пригородах – в Фирланде, на островах и северо-восточных окраинах.

Издали слышался гудок поезда, прервав поток его мыслей. С тех пор, как несколько лет назад проложили линию между Харбургом и Штаде, по городу начали курсировать поезда. Большинство жителей жаловались на грохот, но только не он. Шум поезда напоминал ему о временах молодости, когда он много путешествовал, и жизнь представлялась одним большим приключением.

Как всегда, когда он вспоминал о прошлом, его охватила меланхолическая задумчивость. Если бы он мог однажды сесть на поезд с Михелем! Мальчик от радости потерял бы голову. Он никогда не выезжал за границу, не знал даже собственного города. Может, им стоит разок прокатиться в карете? Они могли бы взглянуть на строительство нового моста – Нордерэльббрюке, которое должно было завершиться в следующем году. Но тут Альфред покачал головой. Что-то он размышлялся. Все это было слишком рискованно.

Он задумчиво надкусил ранет, который принес с собой. Яблоко было кислым, видимо, еще не созрело, – но он все равно съел его, наслаждаясь терпким, щекочущим привкусом. Они с Францем собирались пообедать в трактире, но Герта пообещала на ужин камбалу с холодным фруктовым супом на десерт, и он решил не портить аппетит.

Мимо прошла баржа. От Франца его мысли перескочили на Олькерта. И сам он, и его брат заработали свой капитал на торговле гуано. Кто бы мог подумать, удобрение из экскрементов и останков морских птиц... Поначалу Альфред, как и все остальные, был настроен весьма скептически – считал затею Олькертов верным разорением. Но братья всем им преподали урок. Торговля гуано была беспроигрышной. Бисмарк пожаловал Олькерту дворянство, поэтому торговец не мог теперь ссориться с Пруссией, и поддерживал все начинания канцлера. Олькерт был оппортунистом, Альфред всегда это знал. Но он не мог отрицать, что союз их семей стал бы эпохальным событием, объединив крупнейшую судовую компанию и крупнейшую верфь Гамбурга. Франц был бы круглым дураком, если бы упустил такую возможность. Не так уж некрасива Розвита. Что творится с этим мальчишкой?

Альфред глубоко вздохнул и снова окинул взглядом многочисленные корабли, пароходы, эверы и баржи, бороздившие Эльбу. В Гамбурге быстро поняли, что против Бисмарка они бессильны – он шел к своим целям напролом. Поэтому в какой-то момент большинство участников Торговой палаты выступили за то, чтобы составить программу сотрудничества. Не можешь противостоять – попробуй договориться. Будет ли свободным от пошлин город или отдельная его зона – вот вопрос, к которому все сводилось в конечном счете. Оставалось только убедить Сенат. Так возникли и первые планы складского района – Шпайхерштадта, – он, конечно, должен был находиться поблизости от контор и магазинов. Единственной спорной областью оставался район Кервидер, который необходимо было снести. При строительстве порта франко, которое шло в Гамбурге полным ходом, ориентировались на успешные проекты последних лет – на Штрاندхафен, Сандторхафен и Грасбрукхафен, современные, оснащенные по последнему слову техники порты, соединенные между собой удобной железной дорогой и где все было рассчитано на максимальную эффективность.

Впервые за свою многовековую историю город будет считаться таможенной территорией Германии. Посреди города появится настоящая граница – таможенный контроль, метровые заборы, защитные ограждения... При одной мысли об этом становилось не по себе. И это означало, что Гамбург вновь понесет огромные потери. Когда было принято решение о строительстве таможенного канала, 24 000 человек были вынуждены покинуть свои дома после волны экспроприаций. Альфреду очень нравился Кервидер, перед сносом он даже заказал у Коппманна, заплатив ему безумную сумму, фотографию этого района, которая теперь висела у него над письменным столом. Временами он был склонен к сентиментальной ностальгии, этого нельзя было отрицать. Пострадали также Довенфлит и церковь Святой Анны – в какой-

то момент они просто пошли под снос, и люди были вынуждены сами искать себе убежище. Старинный Гамбург постепенно исчезал под натиском прогресса с его лопатами и кирками. И хотя Альфред знал, что изменения необходимы и даже приветствовал их, ему очень больно было за ними наблюдать. Порой ему казалось, что его душа слишком привязана к этому городу.

Непросто обстояло дело и с кварталами для бедноты. Большинство рабочих оседали неподалеку от гавани – они не хотели да и не могли переехать. Так вокруг порта постепенно выросли трущобы, которые горожане часто называли просто Абруцци, где арендная плата постоянно росла, а условия жизни были скудными и часто неприемлемыми. Люди буквально толкались там, как крысы в грязи. Альфред давно чувствовал, что с этим нужно что-то делать. Вот что следовало бы снести! Разломать все к чертям и построить новые, более дешевые дома – таков был его девиз. Рабочие в них нуждались, и компания могла бы себе это позволить, тем более, что дело обещало быть выгодным. Он уже прощупал почву и если трущобы попадут под раздачу, доберется до них первым...

Он очень беспокоился о том, что произойдет, когда Гамбург – уже официально – станет частью таможенной территории. Кто может предсказать, как это скажется на экономике? В худшем случае произойдет резкий скачок цен. Как статус порто франко изменит город и к каким последствиям это приведет для его судоходной компании? Эти вопросы он задавал себе почти каждый день. Товарооборот, безусловно, увеличится – а с ним и морские перевозки. Но гарантий не было. В последние годы из-за жесткой конкуренции и неурядиц с таможенными переговорами им пришлось частично сократить свой капитал. Тем не менее Альфред видел впереди большие возможности. Особенно в неуклонно растущих пассажирских перевозках, которые уже достигли в Гамбурге своего пика. Именно к этому они стремились со своей Тихоокеанской линией. А Калькуттская линия была следующей целью.

* * *

Чарльз Куинн смотрел на воду. Солнце стояло высоко над гаванью, яркие лучи щекотали ему нос. Он вытащил пробку, отхлебнул кофе из старой жестяной фляги и, наслаждаясь ощущением тепла, выкурил сигарету. А затем утомленно прикрыл веки, полностью сосредоточившись на нескончаемом крике чаек, пока тот не вытеснил все его мысли. Когда Чарли снова открыл глаза, по воде плясали солнечные зайчики. Ему не хотелось возвращаться в вонючий зал, но он знал, что сюда вот-вот явится Бреннер и станет его отчитывать. Сегодня Чарли уже в третий раз выходил на перекур, и надсмотрщик висел у него на хвосте. К залу как раз подъезжал один из поездов, от грохота звенело в ушах. Рельсы заканчивались у самой кромки воды, так что подъемные краны могли сгружать товар прямо в вагоны. Поезда ходили теперь день и ночь. Он потушил сигарету. Может быть, во время обеденного перерыва снова зайдет Йо – у Чарли уже урчало в животе.

Наслаждаясь последними секундами на солнце, он с содроганием подумал о зиме. Каким бы мучительным и зловонным ни был летний зной, он был ничто по сравнению с теми опасностями, которые несли холода. Зимой люди теряли места. Поденщики стояли перед портовыми забегаловками, зябко дрожа в тщетном ожидании работы. Особенно тяжело приходилось отцам семейства. В одиночку еще можно было как-то прокормиться, но те, кому приходилось заботиться о целом выводке голодных детей, просто выбивались из сил. С приходом холодов все становилось сложнее: кроме еды и работы нужно было еще как-то раздобыть себе топливо и теплую одежду. Уличные мальчишки замерзали в подвалах, старики и больные – в своих квартирах. Уже осенью было нелегко. Когда целыми днями дул холодный ветер с востока и дождь лил как из ведра, людям приходилось по тринадцать часов дрожать от сырости и холода. В таких условиях даже самая простая работа не приносила удовольствия. Для бедняков каждый сезон таил свои опасности: зимой они замерзали насмерть, в жаркие месяцы – умирали

из-за гнилого мяса и болезней, распространявшихся по воде. И все-таки если уж страдать, то хотя бы в тепле, подумал Чарли. Приехав сюда из Ирландии, он в первый год был уверен, что умрет от холода. У него не было знакомых в Гамбурге, и, не владея языком, он не сразу смог найти работу – неделю жил на улице, прежде чем его, наконец, наняли докером в порту. Вскоре после этого сослуживец нашел ему койку у одной семьи. Там он и познакомился с Йо, который тогда жил в том же доме.

Мало что изменилось с первого года пребывания Чарли в Гамбурге: у него по-прежнему не было ни постоянного пристанища, ни постоянной работы. Зато у него был Йо – его лучший и, по правде говоря, единственный друг в этом проклятом городе. Йо был ему почти как брат, Чарли все бы для него сделал. Внезапно он громко закашлялся. Прошлой зимой он угробил свои легкие, и сигареты делу не помогали.

Даже по мере того, как Йо, пользуясь доверием Олькерта, занимал все более ответственные посты и теперь в качестве заместителя хозяина делал для друга все, что мог, положение Чарли не улучшалось. Но это была целиком его вина – он не мог представить себе постоянную работу в порту и всегда смеялся над Йо, когда тот приставал к нему, требуя, чтобы он думал о своем будущем.

– Может, мне стать штурманом или квартирмейстером? Ну уж нет, я хочу иметь возможность уйти, как только меня это достанет! – всегда отвечал Чарли, подразумевая меланхолию, которая время от времени находила на него, увлекая в самые темные глубины. Когда его одолевало это состояние, работать он не мог. Все, на что он был способен – это пить, а всякий раз, когда он напивался, у него чесались руки сцепиться с кем-нибудь и бить до тех пор, пока физические ощущения не вытеснят все остальное. Тогда он намеренно искал неприятностей – провоцировал других рабочих и всячески нарывался, цепляясь за любую возможность отвести душу, пустив в ход кулаки. Это были единственные моменты, когда он по-настоящему чувствовал себя живым. Ненадолго, но помогало. Правда, его репутация была еще одной причиной, почему он не мог найти хорошую работу – он был известен как нарушитель спокойствия. Но зато он мог пахать, как животное. Из-за крепкого телосложения его всегда выбирали первым из толпы поденщиков, несмотря на его срывы. Он был неразговорчив и трудолюбив, вкалывал до упаду. Именно этого он и хотел – завалиться ночью, заснуть и больше ни о чем не думать. Уставать настолько, чтобы болела каждая мышца, и, едва голова касалась подушки, проваливаться в сон без сновидений. А утром вставать в очередь у здания Баумхауза, ожидая, что принесет ему новый день. Он переезжал, кочевал с одной работы на другую, знал порт как свои пять пальцев. Иногда жил в Сент-Паули, иногда – в трущобах, работал в несколько смен, когда нужны были деньги, отсыпался по нескольку дней, когда они появлялись. У него было много знакомых, ирландцы держались вместе, да и шотландцы были своего рода союзниками. А до всех остальных ему не было дела.

Ему ни до чего не было дела.

Порой он и сам не мог поверить, во что превратился. Разве не был он когда-то нормальным парнем? Не любил музыку и хорошую еду, не готов был на все ради семьи, не уважал себя и свое доброе имя? А сейчас от того человека ничего не осталось, даже внешне – во многом из-за татуировок, которые он все эти годы набивал по дешевым забегаловкам.

По крайней мере, он до сих пор оставался честным человеком. По преимуществу честным. Немного контрабанды, пара мелких краж – в порту это было почти неизбежно, слишком много было удачных возможностей. Назвать это преступной деятельностью язык не повернется.

Йо, напротив, оказался втянут во все это по самое горло. Полностью зависел от ублюдка, которого называл своим «шефом». И ни единого шанса выбраться – для этого он слишком много знал. Ублюдок эксплуатировал его с самого детства, даже сделал правой рукой. Йо вынужден был годами проворачивать его темные делишки, а получал за это ровно столько,

сколько нужно было, чтобы держать семью на плаву. А если что-то пойдет не так, Йо вынужден будет взять на себя всю вину, чтобы благородный господин в нелепой одежде с чертовой золотой бородкой продолжал себе жить припеваючи. Чарльз часто представлял себе, как здорово было бы ножом сбрить желтую гриву с его лица вместе с самодовольной улыбкой. Для Йо не было спасения, пока на нем лежала забота о семье, которая в любом случае подвергалась опасности.

Нет, Чарли был рад уже тому, что не имеет к этому отношения. Пред законом он был чист – по крайней мере если не копать глубоко. Этот город был полон возможностей для тех, кто не отличался щепетильностью. Господи, кем он здесь только не работал. Размышляя обо всем этом, он перерезал ножом веревку, скреплявшую огромную, в человеческий рост, грудую шкур. Схватив две верхние, он стянул их и бросил на решетку перед собой. Вместе шкуры весили добрых 150 фунтов и воняли так, что ему пришлось на мгновение задержать дыхание, подавляя рвотные позывы. Через какое-то время он привык, и нос перестал чувствовать запах.

В данный момент он работал выбивальщиком шкур, клоппером. Ему приходилось очищать меха и шкуры от соли, которой их пропитывали на время транспортировки, чтобы защитить их от повреждений, влаги и прежде всего против гниения. На суше эта мера была излишней, поэтому работники кидали шкуры на решетки и колотили по ним, выбивая соль. Им доплачивали за вонь, потому что после работы от них несло, как из выгребной ямы, и пятнадцатипроцентную надбавку за грязь. И все же работа ему не нравилась – она не поглощала его целиком. Пока он выбивал и переворачивал шкуры, его мысли были вольны блуждать где им заблагорассудится. Иногда он думал о животных, чьи меха обрабатывал. Часто соли клали недостаточно, и по прибытии шкуры были тронуты гнилью. Желудок выворачивало наизнанку, стоило распечатать партию. Многих рвало прямо на решетку. Но он всегда сдерживался, желудок у него был стальной. Разве что рыба в китайском ресторанчике, где он пообедал на днях, оказалась ему не по силам.

Больше всего ему нравилось ремесло портового рабочего, по иронии судьбы считавшееся самым тяжелым и ненавистным, а ему порой и этого было мало. По вечерам, когда он брел, спотыкаясь, к ближайшей кофейне, чтобы поесть, черный с ног до головы и совершенно измученный, он чувствовал спасительное оцепенение. Именно этого он хотел. Они перемещали до 200 тонн угля за одну смену. Поэтому на работу отбирались только самые молодые и сильные.

Когда он приехал в Гамбург, он начинал как прыгун. Это были самые тяжелые для него времена. Если уголь, который перевозили на барже, находился на небольшой глубине – от шести до восьми метров, то его «подпрыгивали» вверх. Четверо мужчин одновременно прыгали с платформы на доску, висящую на канатах, и своим весом отправляли вверх корзину с углем. Там ее ловил корзинщик и высыпал уголь в бункер.

Эта работа по-настоящему его поглощала. Порой, случайно ловя свое отражение, он поражался своим впалым щекам и темным теням под глазами. Но ему нравилась их небольшая команда, они отлично сработались и всегда могли друг на друга положиться. Без этого было никак – слишком частыми бывали здесь несчастные случаи. Во время перерывов у них всегда был с собой бочонок солодового пива, так что время с полудня до вечера бежало быстрее, потому что пиво давало новые силы, а до полудня их поддерживало предвкушение. Но затем рабочих заменили специальные машины, которые самостоятельно совершали подъем, подбрасывая корзины в воздух. И хорошо, впрочем – ему было все равно, что делали руки, лишь бы голова была занята.

Рядом с ним у решетки стоял невысокий горбатый человечек по имени Фите. Большую часть своей жизни он пробыл чистильщиком котлов и на этой работе угробил себе все здоровье. Даже на расстоянии двух метров Чарли слышал его хриплое дыхание. Погрузка и разгрузка судов должны были производиться так быстро, что чистильщикам не приходилось ждать, пока паровые котлы как следует остынут. Почти сразу они заползали в крошечную темную шахту,

где им нужно было сбивать со стен и труб твердые, покрытые коркой отложения. Воздух внутри был подобен адскому огню. Вечерами они выползали, черные, как уголь, сгорбленные, с легкими, полными дыма, в липкой жиже с ног до головы. И получали за это три марки в день. Чарли вздрогнул при одной мысли об этом – замкнутые пространства и глубокие, темные воды были единственным, чего он по-настоящему боялся. К счастью, из-за своего роста он все равно не подходил для этой работы.

* * *

Йо оглядел зал. Вонь стояла такая, что хоть святых выноси. Желудок инстинктивно сжался, но мозг, привыкший к этому запаху за годы работы в порту, быстро дал ему понять, что опасности нет. На этой неделе привезли много шкур, от них пахло, как из выгребной ямы. Чарльз устроился клоппером, Йо видел, как на другом конце зала он возится над решеткой. Они хотели вместе зайти в пивную во время перерыва, но Йо увидел, что Чарли еще занят, и остановился перекинуться парой слов с десятником.

Когда Йо думал обо всех тех местах, где приходилось работать его приятелю, ему становилось стыдно. Поденная работа всегда была самой грязной и муторной. Чарльз с упрямством мула отказывался принимать его помощь. Как большинство портовых, он был славным парнем, который много работал и мало получал. Работа в порту была тяжелой, грязной и для целого ряда профессий представляла собой чистой воды эксплуатацию. Здесь практически не было страховки, и зачастую с работниками обращались хуже, чем с животными, которые в отличие от них хотя бы получали воду и корм. У поденщиков была работа лишь до тех пор, пока в гавани стояли корабли, которые надо было разгружать или загружать. У них не было работодателя, который бы заботился о них или нес какую-то ответственность.

К счастью, у них хотя бы были киоски, где они могли купить себе что-нибудь на обед. На самом деле, судоходная компания Карстена была одной из немногих, где даже была столовая. Кроме того, мужчинам разрешалось оставаться в твиндеке во время перерывов – такая возможность, насколько он знал, допускалась только двумя крупнейшими компаниями. В других порой не было даже воды для мытья. Олькерт тоже не хотел тратить на улучшение санитарно-гигиенических условий. Нигде на причале не было санузлов – ни купален, ни даже отхожих мест. Поэтому по вечерам они шатались по городу, вонючие и грязные. Но мало кого волновало, что от него воняет, когда от всех остальных пахло не лучше.

Шкуры, над которыми работал Чальз, были выдублены и обработаны токсичными веществами, но у клопперов не было возможности вымыть руки во время работы. Кроме того, многим приходилось иметь дело с ядовитыми красками и рудами. А потом теми же пальцами они брали еду во время обеда. Питьевой воды тоже не было, мужчины, когда их одолевала жажда, тайком тянулись за пивом, что было запрещено начальством, или брали воду из корабельных цистерн, которые к тому моменту часто успевали объехать полмира и кишели паразитами, дохлыми крысами, вонючими водорослями. Сам он по молодости дважды заболел, выпив из такой цистерны. После недели, проведенной в уборной, он больше не притрагивался к здешней воде и, как большинство работников, тайком покупал пиво у разносчиков. Это в основном были перекупщики, они курсировали по гаваням на небольших лодках и нелегально продавали рабочим еду и напитки, когда те выходили на перерыв. Их работа была запрещена, а покупка товара – нет, поэтому он закрывал на это глаза. Он знал по собственному опыту, каково это, когда и сверху, и снизу низвергаются потоки, и считал, что лучше уж пиво, которое зачастую даже повышает работоспособность.

Вдалеке снова мелькнули рыжие волосы Чарльза. Йо глубоко вздохнул. Почему этот осел вечно упрямится? Йо имел влияние в порту, мог улучшить его положение, но Чарльз ему не позволял. Он хотел тяжелую работу, не возлагающую на него никакой ответственности – такую,

к которой можно было бы приступить утром, а вечером забыть как страшный сон. Йо обычно удавалось раздобыть ему что-то подобное, но даже ему не всегда это давалось легко. У Чальза был опыт, он уже выполнял ряд работ и умел обращаться с оборудованием. Но у него не было никаких свидетельств, никаких бумаг, где значилось бы, что он мог делать, а что – нет. Репутация – все, чем располагало большинство рабочих. А репутация Чарльза была не из лучших.

Как только Йо подумал об этом, на другом конце зала раздался грохот. Послышались крики мужчин, и он увидел, как несколько рабочих бросились разнимать двух нарушителей спокойствия, которые, по-видимому, затеяли драку. Он было снова отвернулся, решив, что уже достаточно людей, готовых разнять драчунов, но тут увидел, как из клубка тел вынырнул огромный рыжий мужчина.

– Черт возьми, Чарльз! – прорычал он и бросился к другу.

* * *

– Эй, Пэдди! – мужской голос прервал его раздумья. Чарли хотел было обернуться, но удержался – он знал, что именно этого Рой и добивался. Он никогда не называл Чарли по имени, вечно бросал ему какое-нибудь прозвище из неисчерпаемых запасов уничижительных обозначений ирландцев.

Рой невзлюбил его с первой встречи. Может, виной тому были рыжие волосы Чарли или его характерный акцент – он не знал, и ему было все равно. Здесь мало кому нужна была причина, чтобы не любить ирландца. Всякий раз, когда они с Роем пересекались, с обеих сторон сыпался град оскорблений и угроз, ведь он, конечно, ни в чем не уступал этой свинье – когда его провоцировали, он обычно давал отпор.

– Просто не обращай внимания, он того не стоит! – прошептал ему Фите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.